

0: СУД НАД СТАНИСЛАВОМ АВГУСТОМ ПОНЯТОВСКИМ

Мы публикуем необычный текст, сенсационность которого заключается не только в возрасте его автора, но и в самой идее, положенной в его основу. Автору 15 лет, он — ученик 2-го [предпоследнего] класса гимназии. Мы проверили — это действительно он, и он действительно второклассник. Никто в его взрослом окружении не интересуется тематикой представленного им текста. Мы специально отмечаем это, потому что сами не могли поверить... [Вступление — от ред. Интернет-портала]

Исторический фон (литературный вымысел)

Представим себе, что по какому-то невероятно счастливому стечению обстоятельств восстание Костюшко одерживает победу. Русская армия разгромлена под Мацеёвицами, а царь, напуганный растущей мощью поляков, которых поддерживают несметные крестьянские массы, идет на мировую и отдает Речи Посполитой все земли, захваченные во время второго раздела. Схожие договоры подписаны также с Пруссией и Австрией — с той лишь разницей, что земли, захваченные ими в 1772 г., делятся между обоими государствами на две более или менее равные половины. Вдобавок подписан пакт о вековечном союзе с Австрийской империей, которая на партнерских условиях соглашается поддерживать Речь Посполитую в деле ее восстановления, а перепуганные русские и пруссаки сидят себе тихо и, занимаясь собственными проблемами, радуются приобретениям, полученным во время первого раздела Польши...

Внешнеполитическое положение представляется нормализованным. Правда, Польша платит серьезную цену за годы летаргии: вне границ нашего государства находятся, в частности, Гданьск, Львов и Витебск, однако же страна выходит из стагнации и сохраняет свою государственность. Экономика тоже начинает развиваться, подстегиваемая и раскручиваемая трудом освободившихся от барщины и полных энтузиазма крестьян, которые на основании заново принятой конституции, значительно расширяющей реформы, введенные «Правительственным постановлением» от 3 мая, получили также личную неприкосновенность и право участвовать в принятии решений о судьбах государства, чьими полноправными гражданами они стали. Дворянское, или шляхетское сословие, хотя отнюдь не единогласно и не сразу, в конце концов понимает ошибки прошлого. Реальная угроза потерять государство, которая существовала еще несколько месяцев назад, наложила отчетливый отпечаток на психологию шляхтичей, породив в них значительно большее уважение к общему благу — отечеству.

В государстве, через которое только что прокатился вихрь восстания Костюшко, по-прежнему правит Чрезвычайное временное правительство, в состав которого входят бывшие члены патриотической партии времен Великого сейма, дополненные героями последних сражений, а также представителями мещанства и крестьянства. Во главе его по-прежнему стоит главнокомандующий Тадеуш Костюшко, не без оснований называемый избавителем народа. Положение благоприятствует сведению счетов с прошлым. Царящие вокруг патриотические настроения, поддержанные немалой ноткой радикализма, и сознание того, что в недалеком прошлом независимость висела на волоске, заставляют честных и благородных граждан сделать соответствующие выводы и привлечь к ответственности тех, кто еще недавно со всем фальшивым обаянием, какое только способен вообразить человек, выслуживались перед несостоявшимся захватчиком. Умелый вождь следит, чтобы дело в стране не доходило до дальнейших самосудов, и благодаря своему авторитету добивается создания специального Государственного трибунала, перед которым с соблюдением всех законов проходит суд над участниками Тарговицкой конфедерации и другими лицами, подозреваемыми в государственной измене.

Самым ожидаемым и самым многообещающим процессом должен стать суд над бывшим королем Станиславом Августом Понятовским, свергнутым Сеймом с престола. Когда после нескольких месяцев подготовительных работ обвинительный акт наконец готов, зал трибунала на Краковском Предместье в Варшаве заполняется до отказа — так же, как некогда, в один из майских дней, заполнилась галерея Сеймового зала в Королевском замке. На сей раз, однако, Понятовского приветствовали не возгласы обожания и здравницы, а оскорбления и брань толпы, которая ощущала себя преданной бывшим монархом.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ЗАПИСИ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА

В ГОСУДАРСТВЕННОМ ТРИБУНАЛЕ

(Обвинительный акт и защитительная речь Станислава Августа)

Судья (*бесстрастным, официальным тоном*): Прошу всех присутствующих сдерживать эмоции и проявлять уважение к суду. Начинаем запланированное на сегодня заседание. В соответствии с ходатайством общественного обвинителя рассматривается дело гражданина Станислава Понятовского. Прошу стороны занять свои места. Присутствует ли господин обвинитель?

Обвинитель (*чрезвычайно самоуверенным голосом*): Да, ваша честь, я готов предъявить обвинения.

Судья: Присутствует ли обвиняемый?

Понятовский (*величаво и неспешно поднимаясь со стула; говорит веско, но без всякой нервозности*): Я здесь, ваша честь.

Судья: Выразили ли вы желание защищаться с помощью адвоката?

Понятовский (*с вызывающей удивление самоуверенностью, среди враждебного ропота, раздающегося с галереи*): Нет, ваша честь. Я отдаю себе отчет, что те действия, за которые меня сегодня должны судить, и так уже получили оценку во многих польских умах. А также сознаю, что приговор, который сегодня вынесут, не может быть никаким иным, кроме обвинительного. Этого в данный момент требует от суда ускоряющая свой бег история, и я, лишенный монаршего достоинства и высокого сана, не имею в связи с этим никаких претензий к суду. Напротив, я даже доволен, что мне пришлось предстать перед судом. Это станет для меня удобным случаем объяснить многие вещи самому себе, суду, отечеству и истории. Тем не менее я, как уже говорилось, не представляю себе, что меня оправдают, ибо на мне тоже лежит вина. В связи с этим я не нуждаюсь в адвокате. Не нуждаюсь я сегодня ни в судебном фарсе, ни в хитроумной линии защиты. Мои действия будет судить история. И защищать мои действия будет та же история, а она в судебных ловкачах не нуждается.

Судья: Понятно. В связи с этим перейдем к зачитанию обвинительного акта. Убедительно прошу господина обвинителя взять слово.

Обвинитель (*встает, отвешивает любезный поклон в сторону трибунала, вставляет монокль в левый глаз, поднимает с письменного стола целый ворох записей и без заминки, с полной убежденностью начинает свою речь*): Ваша честь, сегодня в этом зале мы рассматриваем дело большой важности. Сейчас у нас есть возможность свершить акт правосудия по отношению к лицу, быть может, более всех виновному в тех трагических обстоятельствах, в которых наше отечество находилось еще совсем недавно. Лицу, которое воплощает несбывшиеся мечты многих патриотов, воплощает бессилие в деле принятия трудных решений, столь характерное, как известно, для предшествующей Речи Посполитой, чью историю раз и навсегда закрыла Тарговицкая конфедерация. Лицу, которое, наконец, служит живым примером трусости, ничтожества и отсутствия ответственности за бремя, сознательно возложенное им на свои плечи. Ваша честь, когда я как гордый поляк, который никогда не опозорил себя никаким сотрудничеством с захватчиком и был готов до последней капли крови защищать погибающее отечество, смотрю сегодня на сидящего напротив меня Станислава Августа Понятовского, то у меня возникает желание подойти к нему и плюнуть ему в лицо со словами: «О, изменник, понимаешь ли ты, что содеял?» Однако я знаю, что как общественный обвинитель должен смирить личные чувства и что на мне лежит обязанность в согласии с буквой закона доказать моему бывшему монарху настолько убедительно, насколько удастся, в чем именно тот виновен. А виновен он в ужасающих преступлениях.

Итак, я обвиняю гражданина Понятовского.

Во-первых, в том, что в 1764 г., пользуясь чужеземными силами, с помощью войск, недоброжелательных к дальнейшему существованию сильной Речи Посполитой, он захватил польскую корону, лишив выборщиков, которые собрались под Варшавой, возможности сделать выбор, соответствующий их совести.

Во-вторых, в том, что в 1768 г. он помог навеки проклятому послу Репнину в жестоком деле похищения предводителей Радомской конфедерации Каэтана Солтыка и Юзефа Анджея Залусского, а также Вацлава и Северина Ржевусских.

В-третьих, в том, что в 1768 г. он подписал позорный «Договор о вечной дружбе» с Российской империей, приговорив Речь Посполитую безропотно подчиняться русским.

В-четвертых, в том, что в 1768 г. он вопреки воле Сената призвал русские войска против справедливо взбунтовавшейся шляхты, которая объединилась в Барскую конфедерацию против всё более ненасытной агрессивности соседней Российской империи.

В-пятых, в том, что, не умея самостоятельно и в полной мере выполнять королевские обязанности, которые ему предоставил всемогущий Господь и нация, он, забыв о необходимости защищать суверенность нации и Речи Посполитой, допустил русского посла к соучастию в решении судеб Пресветлой Речи Посполитой, что неизбежно способствовало дальнейшему усугублению ее зависимости от Российской империи.

В-шестых, в том, что в 1792 г., будучи неспособен сохранить достоинство и проявить хотя бы малую заботу о вверенной его опеке Речи Посполитой, он трусил и, предательски изменив прежним обещаниям поддержать майскую конституцию, присоединился к Тарговицкой конфедерации, окончательно погубив страну, в которой жили его подданные.

В-седьмых, в том, что, видя пылкое устремление польской нации к защите дорогой ей независимости, он особым универсалом воспротивился восстанию, которое поднял Тадеуш Костюшко.

Ваша честь, через весь этот достаточно подробный, хотя и подготовленный в изрядной спешке обвинительный акт постоянно проходит одно-единственное слово — измена. Каждое из семи деяний, в которых обвиняется бывший монарх Речи Посполитой, можно свести к тому, что оно ослабляло наше государство и всё больше отдавало его во власть России. Всякая измена — ужасное преступление, и оно еще ужаснее, когда субъектом измены становится отечество. Не бывает, однако, измены худшей и более страшной, нежели измена, совершаемая отцом, каковым должен быть монарх, по отношению к своему дитяти, каковым должна для него быть страна, отданная ему во владение. Такую-то измену, в наихудшем из возможных ее вариантов, и совершил сидящий сегодня напротив меня гражданин Понятовский.

Обвинительный акт, который я только что зачитал, охватывает по сути дела весь почти тридцатилетний период правления Понятовского. От его избрания, происшедшего под властью насилия и страха перед русскими войсками, через целый ряд трусливых, покорных решений, вплоть до позорного факта присоединения к Тарговице, наш, к счастью, бывший король не делал по существу ничего, чтобы сдержать экспансию нашего могущественного восточного соседа на территории нашего государства, а когда он все-таки проделал один-единственный шаг в правильном направлении: присягнул на верность конституции 3 мая (хотя известно, что не без критических выпадов и под влиянием настойчивых уговоров патриотов), — то внезапно год спустя окончательно погубил всякие шансы на ее вступление в силу, совершив вышеупомянутый акт позорного присоединения к лагерю изменников.

Возможно, кто-нибудь из его благодушных защитников скажет, что у обвиняемого не было выбора, что в обстоятельствах, в которых он оказался, этот человек был вынужден сотрудничать с Москвией и Екатериной. Это неправда. Во-первых, с того самого момента, как он решился стать претендентом на польский трон, обвиняемый знал, каково положение страны, и мог не соглашаться на выдвижение своей кандидатуры. Знал он также, что его кандидатуру усиленно поддерживает Екатерина II и что эта поддержка заведомо не бескорыстна. К умственным фантазиям можно отнести и предположение, будто он мог думать, что выбор короля под прицелом чужеземных винтовок вписывается в широко понимаемые польские государственные интересы. Нет, подсудимый с самого начала знал, на что решается. Не с сегодняшнего дня известно, что господа Михал Фридерик и Александр Август Чарторыйские, выдвигая его кандидатом на престол, обратились к царице с просьбой о военной помощи. И не с сегодняшнего дня известно, что Екатерина поддержала кандидатуру обвиняемого на наш трон не потому, что тот был наилучшим вариантом для Польши, но по той причине, что своею покорностью он гарантировал интересы Российской империи на территории Речи Посполитой. Сама Екатерина в 1764 г. писала, что следует возвести на престол Пястов того, кто полезен для российских интересов и кто был бы обязан своим возвышением исключительно ей, и что такового она нашла в лице графа Понятовского, стольника литовского. Нужны ли нам дополнительные доказательства в пользу утверждения, что первый пункт обвинительного акта соответствует фактическому состоянию дел?

Продвигаясь далее, согласно очередности обвинений, выдвинутых в представленном мною акте, и поясняя, почему Станислава Августа нельзя воспринимать как несчастного властелина, который, хоть и желал спасти отчизну, неизбежно ввергал ее в пучину русского всемогущества, мы приходим к одному из самых отвратительных эпизодов в ходе и без того неумелого, бездарного правления обвиняемого. Я знаю, что употребил сильное слово, однако мне трудно найти другое определение для деяния, которое позволил себе совершить обвиняемый по отношению к предводителям Радомской конфедерации во время позорного «репнинского» Сейма 1768 года. У меня есть свидетели, которые способны подтвердить, что подсудимый помог закоренелому врагу нашего отечества похитить поименованных в акте руководителей Радомской конфедерации.

Конечно, можно задумываться над нравственной оценкой действий конфедератов тех дней, можно обоснованно упрекать их в косности и консерватизме. Известно, что Северин Ржевусский, который в тот период, будучи юношей, уже принимал участие в деятельности этой конфедерации, тоже предстанет перед судом. Я никоим образом этого не отрицаю. Однако же нравственная оценка действий Станислава Августа по отношению к тем, кто объединился в ту конфедерацию, не подлежит ни малейшему сомнению. Подсудимый вел себя просто как Иуда. Он предал граждан того государства, судьбы которого были вверены ему Богом и народом. Позор, господин Понятовский! Сегодня свидетельствовать против вас здесь будет тот самый Ржевусский, вместе с которым вы двадцать пять лет спустя пытались продать Польшу Екатерине!

Следующий пункт — это унижительный договор о «вечной дружбе», которая якобы должна была связать нашу прекрасную страну с мерзостной империей, нарушающей в половине мира права народов на самостоятельное государственное существование. Хотелось бы в этом месте едко пошутить, утверждая, что дружба, возможно, и связывала, но только обвиняемого с царицей, и эта дружба, пожалуй, уж никак не была вечной (*раскаты громкого смеха на галерее*).

Понятовский: Ваша честь, прошу прощения, что перебиваю, но такие высказывания из уст общественного обвинителя недопустимы и подрывают ваш авторитет и авторитет суда.

Голос с галереи: Авторитет государства подорван тем, что твоя мерзкая башка всё еще болтается на шее!

Судья: Прошу вывести из здания трибунала того, кто произвел эти дерзкие выкрики. Будет начато расследование по делу о нарушении вами порядка судопроизводства. Подобные слова недопустимы не только в этом трибунале. Что же касается замечания обвиняемого, то я, разумеется, отношусь к нему положительно и прошу господина обвинителя сдерживать эмоции и сосредоточиться на конкретных обвинениях. Прошу продолжать.

Обвинитель: Убедительно прошу извинить меня, ваша честь. Эмоции в самом деле захлестывают меня, но было бы тяжело рассчитывать на иное, ибо в подготовку этого процесса, у которого есть шанс восстановить веру в существование исторической справедливости, я вложил все свои силы без остатка.

Вернемся, однако, к делу. В 1768 г. обвиняемый подписал упомянутый договор, который послужил своего рода основанием для того, чтобы на добрые двадцать лет поставить нашу любимую Родину в зависимость от милости и немилости российского посла. Одновременно обвиняемый трусил и, воспользовавшись случаем, отказался почти от всех реформ, которые он ранее, хоть и весьма робко, но все-таки пытался проводить. Этот пример наилучшим образом дает характеристику правления обвиняемого. А изменять хоть что-нибудь он пробовал только в тех случаях, когда знал, что это ни в малейшей степени не создаст угрозы его трону. Если в какой-либо запланированной реформе обвиняемый видел противоречие с собственными интересами и опасность недовольства своей бывшей любовницы, к которой он по-прежнему явно питал слабость... (*Понятовский вскакивает.*)

Судья (опережая Понятовского): Господин обвинитель, вынужден наложить на вас штраф в размере пятисот польских злотых за несоблюдение просьб трибунала.

Обвинитель: Я подам апелляцию. Вернемся к делу. Когда перемены могли каким-либо образом уязвить Екатерину, подсудимый, словно пугливый заяц, отказывался от них. В этом было много заботы о своей корысти и мало — о благе государства.

Так уж складывается, ваша честь, что по мере чтения обвинительного акта постепенно нарастает позорный характер тех деяний, которые ставятся в вину подсудимому. Дело в том, что теперь мы переходим уже не к насильственным нарушениям неприкосновенности отдельных шляхтичей, уже не к политике в сфере общественно-государственного устройства, проводившейся им в высшей степени пагубно, но к очевидному использованию чужеземного насилия в целях защиты собственных интересов. Я, конечно же, имею в виду незаконную и предпринятую вопреки воле большинства высоких сановников, составлявших сенаторскую палату, просьбу об использовании царской армии против шляхты, которая в праведном гневе отказалась подчиняться обвиняемому и объединилась в Барскую конфедерацию. Здесь я снова буду оценивать не позицию конфедератов, а позицию обвиняемого. Как и в случае образованной годом раньше Радомской конфедерации, Понятовский прибег к русской помощи. На сей раз уже не «ограничиваясь» преступлением, совершённым против предводителей движения, но призвав целую армию, дабы та разбила собратьев-шляхтичей! (*Возвышает голос.*) Тех собратьев, которые всего лишь за четыре года до этого избирали его королем! Какой же это позор, какая вероломная измена закону, призыванию и всяческим принципам! Скажу честно, ваша честь, мне не хватает слов, чтобы описать все преступления против собственного народа, какие позволил себе совершить сидящий напротив меня обвиняемый.

Пятое обвинение — как бы производное от третьего и дополняет его. Договор о «вечной дружбе» создавал надлежащие условия для того, чтобы главная власть в Речи Посполитой досталась не королю и не кому-либо из назначенных им чиновников, а русскому послу. Вероятно, никому не надо объяснять, что такая система была попросту больной и не могла привести ни к чему другому, кроме как к остановке реформ и застою в политической жизни государства. Почему я вынес это обвинение в отдельный пункт? Почему не посчитал, что хватит того пункта, где предметом обвинения выступает сам факт подписания договора? А потому, что у обвиняемого еще существовал шанс исправиться. Он мог после какого-то очередного случая предотвратить вмешательство [русского посланника] Штакельберга в те или иные польские внутренние дела. Мог упрямиться и проявлять строптивость, мог стремиться к денонсации договора, согласно которому Россия выступала гарантом сохранения того больного строя, с каким мы в то время имели дело в нашем государстве. Но он не сделал ничего этого. Безучастно и пассивно ждал он, подписывая в 1773 г. договор о разделе страны и потом на протяжении пятнадцати лет не предпринимая никаких инициатив на политическом поле. Потребовалось патриотическое потрясение, исходившее отнюдь не от обвиняемого, чтобы наконец стронуть с места прогнившую и больную политическую систему и получить от него милостивую, частичную поддержку.

Продвигаясь далее по обвинительному акту, мы постепенно приближаемся к концу Речи Посполитой. Начнем рассматривать пункты, относящиеся к изменам и слабостям обвиняемого в столь недавние критические времена. Последние два пункта касаются событий, которые имели место в течение последних неполных четырех лет. Вернемся, однако, к последовательному рассмотрению акта. В шестом пункте я представил обвинение, касающееся события, которое в польском языке и традиции уже начинает символизировать позор и национальное предательство. Тарговица... Это слово по-прежнему вызывает страх и ужас не только в мужественных сердцах польских патриотов. А почему? Потому что принадлежавшие к этой конфедерации поляки, хотя хотелось бы сказать «антиполяки», были людьми, представляющими собой безусловно наихудшую разновидность человека, какая только имеет несчастье существовать. Эта разновидность характеризуется абсолютным невежеством, если говорить о делах, касающихся всеобщего блага, если говорить о патриотизме, о «святой любви к дорогому отечеству», как хотелось бы повторить вслед за князем поэтов [Игнацием Красицким]. Однако это отнюдь не та человеческая разновидность, которая характеризуется невежеством в прочих областях. О нет, ничего подобного! Люди этого покроя не знают себе равных в битве за собственные интересы, причем любыми средствами, включая гибель своего государства. Такого рода люди не знают также равных себе в жестокости и хитроумном ловкачестве. Такие люди — навеки проклятые прислужники благосклонных к ним владык. В подобных людях присутствуют практически все наихудшие черты, какие только можно приписать представителям рода человеческого. А посему ничуть не странно, что в добропорядочных польских умах уже сама мысль о таких людях вызывает отвращение.

Но к чему я клоню? А к тому, чтобы высказать нечто очевидное. Подсудимый, Станислав Август Понятовский, по-видимому, не удовлетворял и не удовлетворяет всем тем чудовищным «требованиям», которые позволяли бы назвать его представителем той человеческой разновидности, чью характеристику я набросал чуть раньше, но, примкнув к союзу людей такого покроя, он сам отождествил себя с ними. И потому, следовательно, нет никакого нравственного объяснения тому позорному присоединению [к тарговичанам], которое в августе 1792 г. осуществил наш бывший монарх.

Последний пункт моего обвинения говорит о временах, уже целиком и полностью современных нам. Полтора года назад наш спаситель и вождь [Тадеуш Костюшко] на краковском рынке клялся «перед Богом всей польской нации», что всеми своими силами будет стремиться к «защите нерушимости границ, восстановлению самовластия нации и упрочению всеобщей свободы». Этот факт известен в Польше каждому маленькому ребенку, и он будет вписан в учебники нашей национальной истории как беспримерный акт героической заботы о нации. Заботы, проявленной вовсе не тем, кто обещал таковую на протяжении почти тридцати лет, не монархом, которому были вверены судьбы этого народа, но великим польским патриотом, осмелившимся в акте отчаяния встать против трех иноземных властителей и мобилизовать нацию на борьбу, принесшую ей победу. Что же делал в это время тот самый монарх, который сегодня в позоре сидит напротив меня? Издавал в Варшаве универсал против восстания! Чем можно оправдать такого рода акт полнейшей компрометации в глазах соотечественников и всего мира? Счастье, что в ту пору его декреты уже имели примерно такую же цену, как бумага, в которую мы завертываем колбасу на субботней ярмарке. Счастье, что ему не удалось еще раз навредить измученному отечеству. Счастье, что сила гнева, поднявшегося в поляках, привела этого изменника к полному поражению и на то место, где он сегодня столь справедливо восседает. Благодарю.

Судья: Какого наказания вы требуете, господин обвинитель?

Обвинитель: Хотя подсудимый уже несет наказание, каковым является публичная ненависть к его особе и тот общественный ostracism, которому он подвергается как личность, но для того, чтобы справедливость

восторжествовала, суд должен вынести ему настоящее правомочное наказание, имеющее законную силу. С моей стороны не может быть другого вывода и предложения, чем ходатайство о смертной казни для Станислава Августа Понятовского.

(Оживление в зале. Слышны возгласы: «Правильно, повесить изменника».)

Судья: Прошу зал умерить эмоции. Предложение обвиняющей стороны принимается к сведению.

(...)

(В этот момент происходят многочисленные вызовы свидетелей, битвы с помощью аргументов, столкновения сторон. [...] Принимая во внимание слишком большой объем их обширных показаний и то обстоятельство, что на самом деле они внесли в ход судебного процесса совсем немного, мы перейдем сразу к заключительной речи Станислава Августа Понятовского, который только теперь по-настоящему раскрыл линию своей защиты, обратился непосредственно к обвинениям и постарался защитить свою честь. Если в его речи возникали темы, затронутые во время допросов свидетелей, то они всегда разяснялись, так что читатель, незнакомый с содержанием этих показаний, не должен испытывать неудобств.)

(...)

Судья: На этом мы завершили список свидетелей и переходим к заключительной части судебного заседания. Прошу обвиняемого взять слово с целью представить последнюю защитительную речь.

(Напряжение в зале достигает апогея, слышен шум и обрывки нервного обмена мнениями между зрителями. Всем передается атмосфера ожидания.)

Понятовский: Ваша честь! Это мое последнее слово на процессе. Кто знает, не последние ли это слова, которые мне будет дано произнести публично, прежде чем я положу свою голову на плаху. Посему разрешите мне, ваша честь, перед тем как перейти к опровержению конкретных упреков и претензий, выдвинутых общественным обвинением, постараться представить аргументы, которые свидетельствуют о том, что я не был только и исключительно плохим, своенравным монархом, подкарауливавшим любой случай, дабы урвать у своего отечества какую-нибудь частицу земли, чести или достоинства. Прошу заметить, что весь без исключения обвинительный акт, представленный утром в этом зале, опирается только и исключительно на обвинения из сферы политики. Не знаю, осознаёт ли суд, а также вы, глубокоуважаемые дамы и господа, время от времени потчующие нас весьма милыми возгласами из амфитеатра, что управление государством не заключается в одном лишь подписании договоров, объявлении войн и проведении или непроведении в жизнь политических реформ. Государство, а уж в особенности наша Речь Посполитая — это организм, бесконечно более сложный, чем можно себе вообразить. Помимо политики, понимаемой в только что представленном мною контексте, властителю надлежит также осуществлять надзор за культурой, просвещением, религией, внутренней безопасностью, казначейскими делами и многими более мелкими аспектами перечисленных мною сфер. А в этих, по странной превратности судьбы опущенных господином обвинителем, но весьма важных частицах жизни государства и народа я как правитель достиг — буду здесь нескромным — немалых успехов. Собственно говоря, таких, которые в нашей стране никому и не снились со времен едва ли не ягеллонских. В этой связи меня не удивляет, что господин обвинитель не нашел для них места в своем уважаемом акте. В конце концов, не такова его роль, и у меня нет к нему претензий на сей счет. Однако я удивлен его однозначным и категорическим диагнозом, будто бы мое правление было исключительно чередой поражений, измен и национального позора. Мне же представляется, что господин обвинитель в своем деструктивном творении всё-таки, пожалуй, перебрал ту меру, каковой должен служить здравый смысл. Я сознаю, что дела, о которых я говорю сейчас и буду говорить чуть позже, не относятся непосредственно к тематике сегодняшнего процесса, навязанной нам упомянутым актом, однако же рассчитываю на снисходительность суда и всех, кто здесь собрался. Что ни говори, но этот процесс — не мелкий суд над заурядным коноводом, а историческое явление, и по этой причине есть смысл, чтобы история получила полную картину моего правления, а не какую-то намалеванную черной краской мазню, вдобавок нарисованную сквозь призму от природы необъективных и пристрастных интересов общественного обвинения. Мне хочется, чтобы история помнила всё, что каким-то образом соотносится с моим правлением, а вовсе не отдельные факты, отобранные произвольно и вырванные из контекста.

Судья: Мне понятны намерения подсудимого, и я разрешаю затрагивать тематику, более широкую, чем та, которая содержится в обвинительном акте, однако прошу подсудимого всё излагать настолько кратко и ясно, насколько это возможно.

Понятовский: Разумеется, я сделаю всё, что в моих силах, дабы так оно и произошло, но некоторые факты невозможно обойти.

Начнем, может быть, с экономики. Когда в 1764 г. я вступал на престол Пресветлой Речи Посполитой, она была в полном развале. Разоренная внутренними битвами и еще помнящая времена шведских нашествий, а вдобавок ограниченная всемогуществом себялюбивых магнатов, она находилась в кошмарном состоянии и взывала к небесам. Почти сразу после коронации я принялся за восстановление хозяйства. Мне удалось, например, ввести одну генеральную таможенную пошлину для всей страны, отменив похожие частные подати, которые назначались магнатами. Я унифицировал денежную систему, установив ясный образец для всего государства и изъяв из обращения ходившие до этого деньги, в том числе прусские фальшивки, а учреждаемые по всему государству комиссии добропорядочных нравов следили, чтобы везде наконец-то применялась единообразная система мер и весов. Помимо того, я поддерживал частные хозяйственные начинания, в частности мануфактуры, и самолично требовал развития такой инфраструктуры, как каналы и мосты. Каков достигнутый эффект? В настоящий момент временное правительство должно беспокоиться по поводу всего, но только не экономики, которая, несмотря на освобождение крестьян, чувствует себя превосходно. И все это — благодаря тому самому ужасному и опозоренному изменнику. *(С иронией в голосе, которую невозможно не заметить.)* Прямо стыдно признать это — не правда ли, господин обвинитель?

Следующий аспект — образование. Для начала риторический вопрос: где вы, господин судья, где вы, господин обвинитель, получали образование, которое вы теперь используете в таком святом деле, как вынесение мне смертного приговора? Не происходило ли это случайно в Рыцарской школе? Или, случайно, не в других ли школах, основанных Комиссией национального образования? Может быть, в университетах, реформированных в мое время? Я не лишаю суд права судить меня, равно как не лишаю господина обвинителя права произносить полные яда инвективы или речи, но прошу проявить хотя бы минимум благодарности. Не в приговоре, не в обвинительном заключении, а в простом человеческом «спасибо». Ваша честь, одним из первых моих решений после восшествия на престол было создание независимой государственной системы образования, ибо я исходил из того принципа, что только такого рода система, преподающая объективные и самые современные знания, может исправить катастрофическое состояние той негодной, бросовой образованности, которая в тогдашнем, 1764 году характеризовала большинство наших граждан. До чего ж неслыханный парадокс, ваша честь! Если бы не мои энергичные действия с целью всеобщего просвещения, то в 1794 г. не было бы против чего издавать универсал, потому что не было бы никакой инсurreкции. Что, если не эти школы, учрежденные мною и моими советниками, пробудило в таких людях, как вы, господин обвинитель, как вы, господин судья, или как вождь и главнокомандующий Костюшко, уже, к сожалению, отсутствующий в этом зале *(Костюшко удалился сразу же после того, как дал краткие показания, даже на мгновение не обратив свой взор на обвиняемого)*, тот дух патриотизма, в котором вы мне сегодня битый час отказывали, господин обвинитель? *(Голос Понятовского снова приобретает ироническую окраску.)* Ах, этот изменник и продажный тип — как мы видим, не столь уж однозначно чудовищная личность.

А теперь культура. Обилие журналов, которые начали выходить; издательства и книгопечатни, выраставшие, словно грибы после дождя; меценатство, которое покровительствует живописи и музыке; обеды по четвергам — разве все это ничего не значит, ваша честь? Неужто это ничего не значит, господин обвинитель? Красицкий, Конарский, Сташиц, Баччиарелли, Немцевич и целая вереница последующих фигур ничего бы не достигли, если бы не меценатство монарха. Меценатство, исходившее от этого врага всего польского, который на самом деле несомненно питал подлинное пристрастие к польскому языку, культуре и искусству. Очередной парадокс, не правда ли, ваша честь?

Такие примеры можно было бы множить и множить, приведя в качестве иллюстраций непрекращающиеся баталии за отмену «либерум вето» в экономических делах, что, заметим, завершилось успехом, либо заботу о памятниках старины, в том числе о Королевском замке в Варшаве. Наконец, значительное улучшение внутригосударственной безопасности. Обо всем этом я мог бы говорить часами, но, соблюдая просьбу суда, ограничусь лишь приведенными краткими упоминаниями.

Словом, надеюсь, мне удалось хотя бы в малой степени показать, что целью моего правления было не исключительное стремление полностью загубить Речь Посполитую, но совершенно напротив — ее восстановление, которое я проводил по мере возможности. Полагаю, что проводил разумно, применяя тактику «работы над основами шляхетской нации». Однако теперь я постепенно перейду к конкретным обвинениям, которые предъявил мне в этом процессе господин обличитель. Прошу суд позволить мне привести в порядок мои записи *(примерно полминуты перелистывает и раскладывает многочисленные бумаги, лежащие на пюпитре)*; одну минуточку... готово. Итак, я начинаю.

В первом пункте обвинения мой оппонент соизволил поставить мне в вину, что я «насилием захватил польскую корону, лишив выборщиков, собравшихся под Варшавой, возможности сделать выбор, соответствующий их совести». Что ж, это правда, мой выбор на престол проводился не в полном согласии с традицией и буквой закона. Искренне признаюсь, что по этой причине я на протяжении значительной части моего правления испытывал угрызения совести. Господин обвинитель упрекнул меня в том, что, решаясь занять трон, я знал, что делаю. Это правда. Я знал, что Екатерина будет сильно стеснять и ограничивать мои действия, а также знал, что мне потребуется чрезвычайно ловко лавировать, дабы поднять страну и вывести ее из состояния упадка, в чем и состояла моя цель с самого начала усилий по обретению короны. Я признаю свою вину в рамках этого обвинения, но не соглашаюсь с диагнозом моей деятельности, поставленным в резкой и суровой речи господина обвинителя. Прежде всего, хотел бы заявить, что содержания упомянутой записки, составленной Екатериной II, я не знал. Я отдавал себе отчет, что по причине сугубо частных происшествий и отношений, которые существовали между нами в прошлом, Екатерина будет оказывать на меня давление. И догадывался, что она рассматривает меня как кандидата слабого, но — здесь я наверняка удивлю господина обвинителя — именно в этом я видел свою силу! И именно в этом видел неповторимый шанс для Польши! Я исходил из предположения, что мне как лицу, когда-то очень близкому к Екатерине, легче будет заставить услышать себя и выговорить у нее такие условия сотрудничества с нашей страной, дабы Польша могла спокойно и без докучливого вмешательства развиваться шаг за шагом, а в конечном итоге вновь добиться своей цели — всей полноты независимости. Итак, мое решение выдвинуть свою кандидатуру, которое — это я признаю без всякого давления — означало согласие на избрание, было для меня лично решением трудным и болезненным. Я знал, что меня избирают по причине не заслуг моих, но слабостей и мелких пристрастий. А также знал, что отчасти я, быть может, унижаю себя, но — парафразируя евангелиста — порой надо, чтобы один человек страдал за нацию. И я страдаю по сей день, думая, что скорее всего буду приговорен к смерти воспитанниками учрежденных мною школ. А потому я полагаю, что обстоятельства, изложенные сейчас мною, будут признаны смягчающими.

Второе обвинение — едва ли не единственное целиком и полностью ложное. Сторона обвинения не представила для него никаких разумных доказательств, равно как не вызвала никаких надежных свидетелей, которые бы подтвердили, что я действительно помог Репнину арестовать и вывезти предводителей радомцев. Дело в том, что Северин Ржевусский для меня ни в коем случае не надежный и достоверный свидетель — не только по причине своей биографии, которую даже глубокоуважаемый господин обвинитель не отважился сравнить с моей, но еще и потому, что в 1768 г. он был самым обычным неоперившимся мальчишкой, подвергшимся необычайно сильной пропагандистской накачке ксенофобов покроя своего отца. Кроме того, разве господину обвинителю не пришлось в голову, не пытается ли случайно Ржевусский спасать собственную шкуру, когда отягчает меня всем, чем только можно? Но оставим этого человека в покое. Таким образом, заявляю следующее. Первое: я не сознавал, что русский посол планирует насильно утвердить свои замыслы в Сейме Речи Посполитой; второе: я не сознавал, что он хочет похитить предводителей Радомской конфедерации; третье: посему я не мог принимать и не принимал участия в похищении, хотя и правда, что действия указанной конфедерации наталкивались на мое сопротивление, ибо вели к очередному ослаблению государства за счет укрепления шляхты, а это полностью противоречило той философии управления, которую я исповедовал. И вполне очевидно, что я не признаю себя виновным в совершении действия, вменяемого мне во втором пункте обвинительного акта, — по правде говоря, я не знаю, почему этот пункт там очутился, но это уже не мое дело, а господина обвинителя.

Третье обвинение относится к договору о вечной дружбе между Речью Посполитой и Российской империей, заключенному на сессии упомянутого варшавского Сейма в 1768 году. В этом месте, ваша честь, мне бы хотелось немного обрисовать те политические обстоятельства, которые тогда сложились в лоне Речи Посполитой, и тем самым исправить оценку господина обвинителя — неопределенную, слишком общую, несправедливую и подогнанную им под его собственные нужды. Так вот, лета Господня 1768-го мы оказались в действительно трагическом положении. Это был год, когда наше поступательное движение к реформам и модернизации страны оказалось грубо прерванным. Репнин был всемогущ, это правда. Но, может быть, стоит задать себе вопрос: почему Репнин был всемогущ? А потому, что он так ловко перессорил шляхту под предлогом религиозного равноправия, сколачивая одновременно разные конфедерации — и иноверческие, и в защиту святой католической веры (тут примером может, кстати, служить та самая Радомская конфедерация, позже разогнанная им лично, в результате чего она уже была неспособна ни на какое усилие, имеющее целью улучшить жизнь государства). Я был беспомощен. Шляхта в Сейме боролась в равной мере против самой себя, против Репнина и сильного государства. В такой ситуации я был вынужден прибегнуть к самым крайним шагам. Именно таким шагом был тот самый, как уже изволил выразиться господин обвинитель, «унизительный» договор. Но присмотримся к нему повнимательнее: это правда, он ограничивал суверенитет, и как раз поэтому у меня дрожала рука, когда мне пришлось его подписать. Мы попадали под фактический российский протекторат, однако вместе с тем мне удалось благодаря — здесь я не буду скромным — ловкому лавированию в кулуарах Сейма и дворца спасти значительную часть проведенных ранее реформ. Например, ограничение «либерум вето» сословной тематикой, сохранение при голосовании в сеймиках принципа большинства или — внимание —

сохранение границ, гарантированных договором 1686 года! Если это ничто, если господин обвинитель называет это только и исключительно позором, а также изменой Польше, то мне трудно отыскать подходящие аргументы, дабы убедить господина обвинителя в правоте своих убеждений. Да, договор был крупной уступкой русским, уступкой, значительно сбавившей наш реформаторский тон. К сожалению, договор был неизбежным злом, которое мне все-таки удалось смягчить до границ возможного.

Далее обвинение вменяет мне вызов иностранных войск для расправы с барскими конфедератами. С юридической точки зрения я наверняка совершил тут преступление и отмечаю это уже в самом начале. У указанного деяния, как и у всех прочих, также есть свое второе дно. Вероятно, вот-вот здесь раздадутся раскаты грубоватого смеха, однако и это деяние было для меня хотя и трудным, но необходимым, если принять во внимание мою философию правления. Я хотел государства, внутренне сильного и внешне независимого. Независимость была утрачена на репинском Сейме, и свои объяснения на сей счет я уже представил. К чему я клоню? Так вот, я считал — и, как впоследствии оказалось, правильно, — что рано или поздно наступит момент, когда Россия ослабеет. Однако, пока она была сильной и могла при помощи своей армии безраздельно править на нашей территории, следовало по меньшей мере использовать ее для достижения целей, совпадающих с нашими государственными интересами. *(На галерее раздаются взрывы грубоватого смеха.)* К таковым интересам, как я уже сказал, принадлежала, помимо внешней независимости, также сила и внутренняя стабильность государства, а Барская конфедерация была просто квинтэссенцией шляхетской вольницы и недисциплинированности, целью которой было максимально ослабить такую стабильность. В связи с этим я решил лукаво воспользоваться отсутствием внешней независимости (см. присутствие русских) с целью обеспечить внутреннюю стабильность (см. Барская конфедерация). С точки зрения закона это наверняка измена. С точки зрения политики тех времен — меньшее зло. От суда я, однако, не требую ничего, кроме как судить меня в соответствии с буквой закона.

Судья: Подсудимый, ни вы, ни кто-либо другой не имеют права требовать от трибунала ничего, кроме справедливого процесса, который как раз и ведется. Прошу следить за тоном своих высказываний.

Понятовский: Убедительно прошу извинить меня, ваша честь. Вы не были, однако, в течение тридцати лет монархом, и прошу мне поверить: перестроиться трудно.

Возвращаясь к обвинительному акту, мы наталкиваемся там на довольно интересный пункт, где мне ставится в вину выполнение международного договора, который я подписал. Здесь мы, пожалуй, меняемся с господином обвинителем ролями, поскольку в этом месте закон явно стоит на моей стороне, тогда как на стороне господина обвинителя стоит разве что мораль, хотя и это весьма сомнительно. Но ведь работа общественного обвинителя направлена, надо думать, не на это? Неважно. На самом деле я без малого пятнадцать лет не предпринимал почти никаких политических действий. Это соответствовало моей тактике, о которой я рассказал при обсуждении предыдущего пункта. Не оставалось ничего другого, кроме как дожидаться минуты слабости москалей. А такая слабость не проявлялась даже в самой малой степени на протяжении пятнадцати лет. Не подскажете ли вы мне, господин обвинитель, что я должен был сделать? Броситься с горсткой сабелек на всю мощь царицы? Я постоянно был под шахом, под политическим шахом. Есть, однако, смысл заметить, что как раз на период этого политического застоя приходятся годы развития образования, культуры и искусства в нашем государстве! Я не мог делать ничего, что оказало бы непосредственное и немедленное влияние на функционирование государственных институтов, и в связи с этим целиком сосредоточился на проведении культурно-просветительской работы, на обучении новых поколений, которые в последние годы настолько прекрасно сдали экзамен, что привели меня на то место, где я сегодня стою. Но об этом парадоксе, помнится, я уже говорил где-то в начале своей речи. Мне понятно, что вы, господин обвинитель, не обязаны быть большим почитателем культуры, но всё же оцените ее влияние на формирование политического сознания нации! Что, как не культура и всяческое творчество, вдохновляло реформаторов в те времена, когда эта желанная слабость москалей наступила? Остальное я предоставляю обдумать и взвесить суду.

Теперь перехожу к обсуждению самых трудных и самых неприятных для меня пунктов обвинения. Да, это правда, что если в течение 28 первых лет своего правления я старался делать всё на благо моего государства — и мне кажется, что различными способами и с многочисленными ошибками я действовал ради этого блага, причем, глядя на свои действия с перспективы сегодняшнего дня, я вижу, что они были правильными, так как именно благодаря им мы сегодня по-прежнему находимся на территории свободной Речи Посполитой, — то вынужден признать, что в последние годы я запутался в расчетах, плохо оценивал положение и утратил политический инстинкт, едва не спровоцировав трагедию.

Начнем, однако, с отправной точки, каковой в тот период окончания моего правления стала конституция 3 мая и другие реформы так называемого Великого сейма. Я принимал активное участие в разработке этих эпохальных изменений, выступал в многочисленных дебатах и обсуждениях их проектов, старался хладнокровно смотреть на

их цели, и — взвешивая все возможности — мне это удалось совместно с присутствующими здесь великими поляками, которых я хочу с этого места, которое может казаться позорным столбом, еще раз премного поблагодарить за их мужество, труд и работу на благо отечества. Лишь бы история отнеслась к вам мягче, нежели ко мне! Потом разгорелся пожар войны, наступили поражения Юзефа Понятовского и Тадеуша Костюшко, а также Тарговица... Решение присоединиться к этой — здесь я в порядке исключения соглашусь с господином обвинителем — постыдной конфедерации было, пожалуй, самым трудным из десятков, а может быть, сотен архитрудных решений, принимавшихся мною в ходе моего правления. Согласен с господином обвинителем, оно было лишено всяких принципов морали и нравственности. Я принял его, подгоняемый нажимом «Стражи законов», которая восемью голосами против четырех высказалась за капитуляцию, принял его, рассчитывая, что, может быть, этим вымолю у царицы распоряжение отвести российские войска с наших земель. Да, я был наивен, но ничего другого мне тогда не оставалось. Вы снова удивитесь, господа...

Судья: Делаю обвиняемому замечание и напоминаю, дабы он обращался к суду.

Понятовский (*явно раздраженный*): В таком случае, ваша честь, вы снова удивитесь, если только вам будет угодно не прерывать меня...

Судья: Прошу не проявлять пренебрежения к суду. И советую принять во внимание, что вы здесь подсудимый.

Понятовский: Меня не заботит этикет, не заботит приговор — интересует меня только то, что останется после меня. Какое свидетельство запомнит история. Вы, ваша честь, можете налагать на меня даже штрафы за нарушение порядка, но я выражаю сомнение в том, сумеет ли хотя бы и самый лучший судебный исполнитель взыскать штраф с отрубленной головы.

Итак, вы снова удивитесь, гос... Итак, вы, ваша честь, снова чрезвычайно удивитесь, когда я заявлю, что сам не в состоянии успокоить свою совесть после этого решения. Быть может, оно позволило Польше продолжить дальнейшее существование и потом способствовало тому, что все-таки удалось поднять инсurreкцию, — не знаю. У меня лично в голове всё время теплится мысль: нельзя ли было поступить иначе? И здесь я снова обращаюсь к суду истории.

В заключение — то обвинение, против которого я не намерен высказывать слов защиты. Признаю себя виновным. Я мог не подписывать тот универсал, меня подвела политическая интуиция, это была ошибка, последствия которой могли стать трагическими. Точка.

Больше мне нечего добавить. Рассчитываю на холодное, чисто юридическое суждение. И считаю с тем, что в его результате прозвучит такой приговор, которого требовал господин обвинитель. Я знаю одно: легко судить, труднее править во времена, когда хорошо править не удастся, ибо какие бы хорошие решения ни принимались, как бы ты ни старался послужить национальным интересам, тебя всё равно заподозрят в измене. Я придерживался своей философии правления: без радикализма, с благоразумной осмотрительностью балансировал на грани независимости и аннексии, счастья и несчастья, героизма и предательства. Я не сожалею ни о каких своих деяниях, кроме того, которое вошло в последний пункт обвинительного акта. Если мне суждено умереть, то я умру с достоинством. Умру с сознанием того, что взял на себя миссию, за которую мало кто отважился бы взяться, и победил. Отечество живет, и в этом моя победа (произносит это взволнованным голосом). Судите меня, приговаривайте. А истинный приговор пусть вынесет история. Аминь.

Судья: Закрываю судебное заседание. Приговор пусть вынесет читатель.

КОНЕЦ

Текст взят с портала

«Studio opinii» («Студия мнений»)

1: ПАВЕЛ I ХОТЕЛ БЫТЬ ЕГО СЫНОМ

В Петербурге в серии «Полоника Петрополитана» вышла очень интересная книга польского ученого Станислава Дзедзица «„Золотая тюрьма” Станислава Августа Понятовского».

В книге рассказывается о весьма необычной и драматической судьбе последнего короля Польши, который после раздела Речи Посполитой между Россией, Пруссией и Австрией (1795) последний год своей жизни (с начала

1797 г. до дня своей смерти 12 февраля 1798-го) провел в Петербурге, в роскошном Мраморном дворце. Туда его поселил и принимал у себя со всеми почестями взойшедший на трон после внезапной смерти Екатерины II император Павел I. А еще при Екатерине, после ликвидации польского государства, король, согласно ее воле, какое-то время жил со своим двором в ссылке в гродненском замке.

Павел предложил Понятовскому на выбор три дворца, и тот выбрал Мраморный, подаренный, кстати, в свое время Екатериной ее любовнику Григорию Орлову, главному действующему лицу в убийстве императора Петра III.

Впоследствии Павел торжественно похоронил Станислава Августа со всеми королевскими почестями, возложив ему на голову золотую корону. Торжественная церемония прощания и погребения прошла в католическом храме св. Екатерины на Невском проспекте, который сейчас реставрируется после почти полного разорения и пожара. Лишь в прошлом году, при помощи польского и российского правительств, был восстановлен склеп, где до 1938 г. покоился прах Станислава Августа, вывезенный затем в Польшу (в городок Волчин под Брестом, в склеп местного костела, где Понятовский был крещен в 1732 г.). А в Польше судьба последнего короля — полная событий эпопея. Там до сих пор спорят о личности Станислава Августа и его роли в судьбе страны.

С.Дзедзиц изучал в петербургских архивах документы, письма Павла I. Некоторые из них дают основания утверждать: Павел очень тяготился тем, что он незаконнорожденный сын Екатерины, и даже не раз настойчиво просил Станислава Августа признать себя его отцом. Когда Понятовский, имевший репутацию благородного, порядочного и изысканно воспитанного человека, ответил российскому императору, что дата его рождения не сходится с периодом, когда Екатерина Великая, чьим возлюбленным был высокий красавец Станислав Август, могла бы зачать Павла, царь настаивал еще более.

О том, что Павел I вообще всячески старался возвеличить Станислава Августа и многозначительно продемонстрировать его королевское достоинство, говорит и тот факт, что он приглашал его на всевозможные царские приемы и тот всегда сидел между императором и императрицей Марией Федоровной. А двор С.А.Понятовского в Петербурге насчитывал 160 человек.

«Счетоводы» от истории говорят, что Павел родился на год раньше, чем Понятовский стал любовником Екатерины. Их связь с тогда еще великой княгиней Екатериной началась в 1755 и длилась до 1758 года.

По сути, подчеркивает С.Дзедзиц, династия Романовых в России при Екатерине II пресеклась, когда наследник оказался ребенком от любовника Екатерины графа Сергея Васильевича Салтыкова (правда, не все историки с таким предположением согласны). Сама же Екатерина, как известно, по крови ничего общего с Романовыми не имела.

В свою очередь со Станиславом Августом закончилась монархическая эпоха Польши.

По мнению польского исследователя, в тот своеобразный период истории могло случиться так, что Екатерина и Станислав Август, которым она была очень увлечена, вступили бы в брак, и возник бы некий российско-польский союз, вроде польско-литовской унии. В этом случае никакого раздела Польши не было бы. И это могло бы коренным образом изменить российскую, польскую и вообще европейскую историю. Хотя у истории нет сослагательного наклонения.

Павел вообще ненавидел мать и считал раздел Польши, совершенный при ее активном участии, большой политической ошибкой, о чем, конечно, говорил и Станиславу Августу. По мнению ряда историков, впоследствии такая политика Екатерины в отношении Польши повлекла за собой много проблем для России. Павел же, по просьбе Станислава Августа, освободил из заключения в Петропавловской крепости Тадеуша Костюшко и прочих участников польского восстания против России.

Вот такая душераздирающая польско-российская история.

Кстати, склеп Понятовского в петербургском храме св. Екатерины открыт для посещения, и многие поляки стремятся побывать в этом месте. Впрочем, не только поляки.

2: ПОЛЬША УЧИТСЯ ПРАВУ

— Господин профессор, почему вы согласились стать судьей Конституционного суда?

— Я посчитал, что это огромный вызов мне как юристу. Это был шанс использовать на практике мои прежние замыслы, связанные с функционированием права и всей его системы. В 1997 г. я был полностью уверен, что Конституционный суд на данном этапе правовой реформы в Польше — важнейший, ключевой институт, ответственный за демократизацию общественной жизни и формирование конституционных стандартов. То есть за то, чего нам в тот период еще очень не доставало. Польша через несколько лет после падения коммунизма еще не имела устоявшихся демократических принципов, гражданское общество было слабым, слабо было развито и правовое сознание. А в ближайшее время нас ожидали европейская интеграция, дальнейшие глубокие системные преобразования, налаживание механизмов демократизации общественной жизни. Конституционный суд играл во всем этом ключевую роль.

— Правовая система строилась с основ. И об этом вы говорите в прошедшем времени. То есть нам уже удалось создать гражданское общество, осознающее право и его механизмы?

— Я считаю, что мы добились огромных успехов. Я далек от того, чтобы считать это апогеем наших возможностей. Скорее напротив. Наша демократия пока очень несовершенна. В чем главный недостаток? Сегодня нельзя сказать, что он в правовой системе, что конституция в целом плоха или законодательство ущербно. Мешает нам прежде всего слабость гражданского общества. Люди в Польше всё еще в огромной мере пассивны и не умеют эффективно добиваться своих прав и влиять на преобразование общественной жизни. Их не интересует то, что выходит за пределы собственных интересов. Во-вторых, я считаю, что мы всё еще не создали — на основе в целом неплохой правовой системы — подлинно демократическую культуру. Я говорю о практике поведения, способах решения конфликтов, стиле поведения чиновника «в окошке», полицейских, прокуроров, которые так, а не иначе выполняют свои функции и ведут дела. Всё, из чего складывается демократическая правовая культура, вырастает из позиций и навыков. Мы же, увы, всё еще соглашаемся с тем, чтобы полиция нами помыкала, чтобы прокуроры были крайне политизированы, а политики допускали уже не только промахи, но и, весьма мягко говоря, бестактности, за которые им в нормальной демократической стране пришлось бы попросту исчезнуть из общественной жизни.

— Как вы сказали, у нас уже достаточное количество правовых инструментов, но их становится всё больше и больше — обновляются кодексы, создаются новые законы. В общественном восприятии это плохое право. Создается множество бессмысленных предписаний...

— Качество права я не стал бы слишком хвалить. То, что я говорил, относится к более общему положению, что право в Польше защищает личность от злоупотреблений. Оно дает ей инструменты, с помощью которых можно защищаться. А вот качество права в Польше — это уже другая тема. Скажем так: здесь нечем особенно гордиться. Но еще большей проблемой, чем качество права, становится практика его применения и правовая культура. Даже нелепый закон, даже плохое законодательство может быть применено мудро. В Польше же наоборот: даже разумный закон, случается, применяется глупо, бездумно, формально — как догма, без воображения. Люди не отдают себе в этом отчета. К сожалению, даже мы, судьи, не утруждаем себя тем, чтобы согласовать букву закона с его целью, функцией, принципами рациональности и здравого смысла. Мы применяем право по принципу доведения до абсурда. Человек не должен быть против человека. Право должно быть инструментом, который позволяет человеку функционировать в обществе и гарантирует ему свободу. А мы закон всё еще понимаем как источник принуждения и ограничения, в то время как право должно быть гарантией нашей свободы и инструментом борьбы с произволом власти. Взгляд на право как репрессивный инструмент — пережиток коммунизма.

— В вашей книге «Правовая Польша» есть тезис о том, что судьи должны выполнять роль посредников между законом и гражданином. Книга вышла в 2005 году. Удалось ли что-нибудь из этого постулата воплотить в жизнь?

— Шаг за шагом улучшения происходят. Но скажу откровенно: я бы хотел более динамичных изменений. В том числе и в позиции судей, и в уровне правосудия. В числе моих претензий к судьям еще и низкая «производительность» судов в Польше. Правосудия приходится слишком долго ждать. Судебные решения, вынесенные через десять лет, — это уже за пределами правосудия. С другой стороны, можно сказать и нечто оптимистическое. Если проанализировать позиции молодых судей, которые получили образование уже в Третьей Речи Посполитой и имеют за собой иного типа опыт, иные университеты, иной взгляд на перспективы, — разница заметна. Эти молодые люди — об этом свидетельствует мой опыт в Конституционном суде — лучше понимают аксиологию права. Они видят право не технически-догматично, но скорее как иерархически построенную систему, в которой есть конституция, есть европейские конвенции, есть еще что-то, кроме чистой техники. Они обращаются в Конституционный суд с очень толковыми запросами, прекрасно понимают суть проблем. Это положительное проявление перемены позиций.

— **Вопрос смены поколений. Много ли судей из ПНР продолжают сегодня работать?**

— Думаю, что таких судей не больше 10-20%. Но я за дифференцированный подход к этой проблеме. В своей книге Адам Стшембош, судья и крепко связанный с оппозицией человек, провел прекрасное исследование на тему поведения судей ПНР в период военного положения. Он показывает, насколько разными были подходы варшавских судей. Преобладающая среди них группа — это те, кто любой ценой пытался помочь репрессированным. Да, они применяли декрет о военном положении, но только затем, чтобы по возможности смягчить его действие. Стшембош убедительно показывает то, что очень трудно понять, особенно молодому поколению: судье было значительно проще смягчить приговор, чем провести сложнейшую интеллектуальную работу, чтобы найти в том отвратительном коммунистическом праве лазейку, позволяющую спасти человека. Дать за распространение листовок не десять лет, а символический условный срок. Таких судей было много. Мы помним, что право в ПНР было страшным, проникнутым духом марксизма. Отдушиной было частное право. Сравнивая частное право в Польше в 80-х и 70-х годах с правом в Чехословакии, Венгрии или в ГДР, можно убедиться, что только мы были цивилизованной страной. У нас была система гражданского права, вполне достойные гражданские кодексы. Вспомним, что в ПНР действовал торговый кодекс 1934 года, действовал довоенный закон о недобросовестной конкуренции, существовало, между прочим, вексельное и чековое право, основанное на Женевской конвенции. Мы в целом формировались в хороших юридических традициях.

Ничуть не собираюсь защищать ПНР — я всегда был в оппозиции. Я не выносил той системы и каждый день радуюсь, что живу в свободной Польше. Но я вижу и оттенки.

— **Если все-таки проблема не в поколениях, то почему же судебная система так неповоротлива, так неважно действует? Почему процессы тянутся так долго?**

— Это связано не столько с коммунистическим наследием — проблема скорее вытекает из двух параллельно развивающихся в Польше ситуаций. С одной стороны — огромное увеличение нагрузки на суды. Сразу после крушения коммунизма мы в Польше узнали, что эффективная защита гражданских прав требует реального доступа к суду. Поэтому чрезвычайно увеличилось число дел, которые попадали в суд. Параллельная ситуация — специфически польская. Я считаю, что нельзя судей (или, по крайней мере, только судей) упрекать в недостаточной эффективности работы. Мы должны прежде всего предъявить претензии польскому государству за то, что оно не решилось на радикальные административные шаги, которые изменили бы картину распределения юридических функций. Судей в Польше должно быть сегодня, как ни парадоксально, меньше, но они должны иметь совершенный вспомогательный аппарат: помощников, компьютерные системы, хороший секретариат. Тогда всё действовало бы иначе. Без этого судья не в состоянии эффективно работать, и это проблема более техническая, чем философская или даже идеологическая.

— **А вот политическое вмешательство...**

— Попытки политизации правового пространства — это патология. Мы имеем дело с неслыханно политизированной прокуратурой, которая часто действует по политическому заказу: возбуждает или закрывает дела. Это опасное явление, которое может быть свидетельством глубокой патологии. Это надо менять. Идея разделить посты генерального прокурора и министра юстиции — наверное, хорошая идея, хотя здесь есть и определенный риск, что прокуратура выйдет из-под гражданского контроля правительства. Мы в какой-то мере вернемся к советской модели прокурора Вышинского, хотя, конечно, живем в демократическом государстве, — и едва ли будет так, как когда-то. Тем не менее такой генеральный прокурор, независимый от премьер-министра, назначаемый президентом при согласии Всепольского судебного совета, получит огромную власть. И всегда есть угроза, что такая власть может вступать в альянсы и стать, таким образом, опасной. Примером политического давления на суды, постановления перед ними определенных политических задач может служить известное высказывание бывшего премьер-министра Ярослава Качинского: «Верховный суд не защищает национальные интересы Республики Польша». Оно прозвучало, когда Верховный суд вынес решение по иску выселенной жительницы Мазурии о возврате недвижимости. Суд признал юридическую правоту этой женщины, и первый председатель Верховного суда дал тогда хороший ответ: «Судебные решения имеют целью не защиту национальных интересов, а защиту закона, защиту норм права». Хороший, резкий ответ. Так и должно быть — мы не можем руководствоваться политическими интересами в вопросе прав, отстаивать, вопреки закону, какой-то мнимый национальный интерес.

Наша цель — защита закона. Мы не можем выносить приговоры с учетом того, насколько это понравится обществу. Мы даже должны выносить приговоры вопреки общественному мнению. Конституционный суд находился под очень сильным давлением и критикой правительства и президента. Во время моего председательства Конституционный суд постоянно подвергался нападкам. Мы сумели этому противостоять, но едва ли это была приятная ситуация.

— **Высказывание Ярослава Качинского укладывается в существующее представление, что право, словно бы по определению, не вполне справедливо. Я недавно спросил моего знакомого студента-правоведа, что он во время учебы узнал о справедливости. Он, похоже, даже не понял меня. А что такое справедливость? Какая связь между ней и национальным интересом, интересом отдельной личности?**

— Начать надо с банальности: нет справедливости человеческой, а только Божия. Наивно было бы считать, что мы можем достичь полной справедливости. Мы можем только к ней приближаться, стремиться к какой-то модели справедливости. Не существует единственного определения справедливости. Быть может, удастся ее кратко определить, исходя из известной латинской сентенции: «Справедливость — это дать каждому то, что ему принадлежит». А правоведа в то же время повторяют: «Совершенное соответствие закону ведет к совершенной несправедливости». Это парадокс, но юристы его хорошо понимают. Закон может, даже вопреки намерениям его создателей, стать источником несправедливости. Есть такое известное исследование, выполненное доцентом Эльжбетой Лойко и касающееся отношения судей к праву и юристам. Судей спрашивали, считают ли они вынесенные ими приговоры справедливыми. 57% ответили «нет».

— **Если так много судей считают вынесенные ими приговоры несправедливыми, значит ли это, что у нас плохое законодательство? Насколько судьи в современной Польше имеют возможность, как в США, влиять на закон и создавать его?**

— В современном мире, в сфере нашей цивилизации, две правовые системы сближаются друг с другом, что особенно заметно на уровне общеевропейского законодательства — объединительного, где наличествует, с одной стороны, континентальное право со своими традициями, а с другой стороны — англосаксонское право с британским опытом. Они смешиваются, и возникает новое качество. Я бы не сказал, что англосаксонское право более справедливо, чем континентальное, ибо там действует прецедент, а здесь — общее правило. Мы можем более гибко применять собственное право — с большей осторожностью, вниманием и воображением. У меня, однако, возникает впечатление, что англосаксы в рамках common law бывают более связаны ригоризмом имеющихся прецедентов, чем мы в рамках континентального права. Я знаю ряд приговоров, которые не считаю справедливыми и которые вынесены на основе системы common law. Справедливость связана с принципом единообразной трактовки. Это формальный принцип, но он, безусловно, важен для понимания роли права: нарушение единообразия — это всегда и безусловно нарушение всякой справедливости.

— **Вы упомянули об исследовании, согласно которому получалось, что судьи не считают свои приговоры справедливыми, и одновременно говорите, что польское право дает судье возможность гибко подходить к существующим законоположениям — с тем, чтобы приговор был справедлив. Почему же этого не происходит?**

— Да, поле маневра судьи расширяется благодаря гибкому истолкованию закона, но несмотря ни на что мы связаны действующим правом. Определенных барьеров не преодолеть, мы не заменим законодателя. Мы можем исправить глупый закон, но в определенных границах. Второй ответ на ваш вопрос связан с имманентной коллизией интересов отдельной личности и общества. То, что справедливо в масштабе личности, может быть несправедливым в общественном масштабе — и наоборот. Мы часто должны выбирать, и это драматический выбор. В философии есть дилемма: Гоббс или Локк. Или мы за общество людей, поступающих по отношению друг к другу агрессивно, которых нужно «взять на поводок», то есть выполнять по отношению к ним репрессивные функции, или, по Локку, в большей мере полагать, что общество будет руководствоваться определенными договорами, соглашениями и добровольным самоограничением по отношению к совокупности определенных «естественных прав». Дилемма существует, и в ней постоянный источник напряжения. Марксистский тезис о том, что нет противоречия между интересами личности и общества, — это, безусловно, жуткое ханжество. И тезис этот опасен, он приводил к патологическим искривлениям и страшным последствиям.

— **Предпринимаются попытки улучшить правовую систему — например, предложение бывшего министра юстиции Зёбро. Мой вопрос касается, однако, не этого случая. Если уж исправлять имеющееся, то в каком направлении? Упрощать или, например, импортировать всё больше элементов европейского права?**

— Вся беда в том, что в современном мире, глобальном и техницизированном, мы должны смириться с тем, что право будет запутанным. И я, критикуя правоведов и парламент за то, что создаются совершенно непонятные нормы, должен, однако, признать, что нельзя положения о налоге на добавленную стоимость записать абсолютно прозрачно. Но должно соблюдаться, в том числе и на уровне европейского законодателя, требование в максимальной мере рассматривать право как инструмент в какой-то мере субсидиарный по отношению к другим нормам и механизмам общественной жизни. Право не должно всё до конца точно и детально нормировать. Это

опасно. Могут существовать стандарты, касающиеся размера бананов, которые разрешается импортировать в Европу... (Смеется) И этого нельзя до конца обусловить ни интересами единого рынка, ни свободой товарообмена.

Возникают и требования ограничения законодательства, в основном адресованные Евросоюзу. То же происходит и у нас. Отсюда и претензии к нашему законодателю, который очень часто изменяет положения права только затем, чтобы что-то изменить или достичь каких-то сиюминутных политических целей, ибо политику для укрепления своих позиций нужно издать свой собственный закон. Мы должны делать большее ударение на разумном применении существующих законов, чем на создании новых. Зададим вопрос: почему та или иная норма не функционирует хорошо? Может быть, дело не в ее качестве, а в качестве практики? Часто создаются нормы, которые заведомо не будут выполняться. Скажите честно, вы по всем улицам Варшавы ездите со скоростью 50 километров в час? (Смеется) Все с самого начала понимали, что никто этого ограничения не станет придерживаться. Оно было принято символически, что небезопасно, ибо может вести к пренебрежению законом.

— А что дальше? Ждать или действовать?

— Я думаю, действовать. Наша демократия все еще дефективная. Мы не изменим этот мир и нашу страну, если будем отворачиваться от действительности. У нас доминирует своего рода эскапизм: «Это всё так грязно, публичная сфера отвратительна, вызывает омерзение, я этим не занимаюсь». Но это исключительно неразумно — думать, что кто-то должен за нас что-то сделать.

Если говорить о Польше, я оптимист. Да, мы страна еще со многими изъянами, в которой еще многое надо сделать, но я с удовлетворением отмечаю, что поляки — невероятно динамичный народ. Польша почти не затронута кризисом. Наше общество — невероятно работающее, энергично стремящееся улучшить свою судьбу. У меня особое уважение к людям, которые трудятся в малом бизнесе. Я недавно был в Ястшембей-Гуре и видел очень тяжело работающих людей, держащих киоски, открытые с 7 утра до 12 ночи. Так нигде не работают. В Европе магазины чаще всего закрывают в 6 вечера, а с 2 до 4 — перерыв. Так вот, возвращаясь к главному: наш успех в общественной жизни и государственных реформах зависит от того, сможет ли быть преодолена пассивность общества по отношению к публичной сфере жизни; удастся ли нам построить подлинную базу для территориального самоуправления.

Мы так сейчас переживаем, что надломлена этика польской интеллигенции. Интеллигенция как слой существует, причем неплохо. И она довольно многочисленна. Но, по моему мнению, она устранилась, стоит на обочине, и ее выдавливают в маргинальность не слишком умные СМИ, задающие тон в публичной дискуссии. А интеллигенты, которым есть что сказать, пассивно на это смотрят. Я не понимаю, почему столько групп остается пассивными по отношению к разным глупостям, на которые следовало бы реагировать. Почему, например, университетская интеллигенция не предпринимает действий вне сферы собственных интересов, не смотрит дальше собственного носа? Научное сообщество очень резко протестовало против люстрации — и это хорошо. Но почему только тогда, когда это коснулось научного сообщества, почему оно не высказалось на тему стандартов правового, демократического государства? Вот главная проблема, стоящая перед нами.

— А что может обычный, серый человек? Читать конституцию на сон грядущий?

— Поляки должны, несомненно, повысить свое правосознание. Мы не используем тех инструментов, которыми располагаем. А можем — причем не фиктивно, не виртуально. Например, небезызвестный Яцек Бомбка — студент, который выиграл несколько важных дел в Конституционном суде на основе конституционной жалобы и добился изменения законов. Инструменты существуют, и мощные. Это мы сами неэффективны, часто не отдаем себе отчета в имеющихся возможностях. Пишем жалобы в Страсбург — в этом мы преуспели. И почти безрезультатно, потому что никто не хочет дать себе труд понять, что до того, как попасть в Страсбург, жалоба должна пройти все внутренние инстанции. У нас больше всего отклоненных жалоб в Европейский суд по правам человека, потому что мы некомпетентны. Мы не умеем эффективно пользоваться инструментами, нашими гражданскими правами, эффективно добиваться своих прав в судах. Наше общество довольно легко «закипает», но это касается не слишком умных и важных дел. А когда возникает и в самом деле серьезная проблема, мы пассивны. Мы будем склочничать с соседом, который нам нагрубил, однако не вмешаемся в дела, которые касаются охраны окружающей среды, дома культуры или какого-нибудь важного события в общественной жизни.

— Так что будем надеяться на какие-то постепенные перемены?

— Перемены будут, я надеюсь.

Марек Сафьян (род. 1949, Варшава) — профессор права, в 1998-2006 председатель Конституционного суда, с 2009 — судья Европейского суда.

3: ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- 11 ноября — День Независимости. “Спор о том, какое событие стало решающим для обретения независимости, не утихал в течение почти всего межвоенного периода (...) Разрешился он лишь 25 апреля 1937 г., когда вышел закон о Празднике Независимости: «День 11 ноября, годовщина обретения Польской Нацией государственной независимости, навеки связанная с великим именем Юзефа Пилсудского, победоносного Вождя Нации в борьбе за свободу Отчизны, объявляется торжественным Праздником Независимости». (...) Связь 11 ноября с личностью Юзефа Пилсудского (...) вовсе не очевидна. Передача Регентским советом военной власти бригадиру Пилсудскому 11 ноября 1918 г. была не слишком значительным событием (...) Для мечтающих о независимости демократических левых (социалистов) днем независимости, днем возрождения Польши было 7 ноября 1918 года. В ночь с 6 на 7 ноября в Люблине был создано (...) Временное народное правительство Польской Республики во главе с Игнацием Дашинским. Изданный в тот же день манифест был обращен к «польскому народу» (нация ассоциировалась с высшими слоями общества, в то время как слово «народ» означало прежде всего крестьян и рабочих) и провозглашал необходимость крупных политических (...) и общественных реформ (...) Манифест тесно связывал идею независимости с идеей демократии (...) Хотя правительство Дашинского уже 12 ноября подчинилось Пилсудскому, признав его авторитет, на протяжении всех 20 [межвоенных] лет Польская социалистическая партия, а также левые крестьянские группировки праздновали обретение независимости 7 ноября (...) Увязывая дату обретения независимости с именем уже покойного Пилсудского (...) правительство хотело сдерживать критику господствовавшего в Польше порядка”. (Кшиштоф Пилявский, «Пшеглэнд», 15 ноября)
- “Последнее двадцатилетие было для Польши огромным успехом, — подчеркивали участники конференции, организованной в вашингтонской штаб-квартире Всемирного банка (...) «Системные преобразования, переход от социализма к капитализму — свидетельство большой смелости польских политиков», — сказал президент Всемирного банка Роберт Целлик. «Польский пример оказался для реформ в России самым важным, — констатировал бывший российский премьер-министр Егор Гайдар. — Польский путь был единственной приемлемой стратегией, позволившей России избежать катастрофы». На все лады склонялось имя Бальцеровича. «В 1989 г. никто не был уверен в успехе преобразований. Нужен был сильный лидер, каким и стал Бальцерович», — подчеркнул бывший президент центрального банка Израиля Яков Френкель (...) Каковы результаты реформ? «Эти 20 лет были лучшими в истории Польши», — считает проф. Марек Белька, бывший премьер-министр, в настоящее время директор Европейского департамента Международного валютного фонда. Как утверждали, в частности, бывший советник по национальной безопасности президента США Збигнев Бжезинский и Роберт Целлик, благодаря своей здоровой финансовой системе Польша принадлежит к числу стран, которые лучше других справились с последствиями мирового кризиса”. (Мартин Пясецкий, «Дзенник — Газета правна», 5 ноября)
- “Польская помощь развитию направляется прежде всего на Украину, в Белоруссию, Грузию, Афганистан, Молдавию. В списке приоритетных стран есть также Палестинская автономия, Ангола и Танзания. Кроме того, проекты помощи осуществляются на Западных Балканах, в государствах Средней Азии и Южного Кавказа. Все они направлены на поддержку развития предпринимательства, экономических преобразований, развития сельскохозяйственного сектора, а также государственного и местного управления. С момента вступления в ЕС до 2010 г. Польша планировала выделить на помощь беднейшим странам 0,17% ВВП, т.е. почти 2 млрд. злотых. До 2015 г. эта сумма должна вырасти до 0,33% ВВП (...) Пока мы тратим на это меньше 0,1% ВВП. В 2008 г. польская помощь развитию составила 110 млн. злотых”. («Дзенник — Газета правна», 29 ноября)
- По подсчетам Института исследований рыночной экономики, в третьем квартале польский ВВП вырос на 1,8%. («Впрост», 8 ноября)
- “Согласно опросу «Общественный диагноз-2009», за последние три года доходы среднестатистической семьи выросли приблизительно на 20%. Однако это не привело к росту сбережений — весной они были лишь у каждой третьей польской семьи. Долги или кредиты были более чем у 40% домашних хозяйств. В среднем поляки откладывают около 4,8% месячных доходов. В то же время средний уровень задолженности — более 6,5% ежемесячных доходов семьи. В этом году объем сбережений семьи по сравнению с доходами вырос приблизительно на 10%, а сумма задолженности по отношению к доходам — в среднем на 50%”. («Жечпосполита», 14 ноября)

- “Согласно сентябрьскому опросу «Пентора», 66% поляков знают, что откладывать деньги выгодно (...) Однако регулярно откладывают средства лишь 6% (...) Более половины (58%) тратят всё на текущие расходы (...) Целых 57% поляков не черпают информацию о накоплении сбережений из профессиональных источников, руководствуясь интуицией, а 39% никому не доверяют (...) Более трети опрошенных (33%) не планируют своих расходов (...), 36% планируют расходы на месяц вперед, а 9% — на неделю вперед. Однако текущие расходы у нас под контролем: 38% поляков сообщили, что они контролируют даже самые мелкие ежедневные траты (...) 31% утверждает, что следит лишь за крупными расходами (квартплатой, оплатой коммунальных услуг, покупкой одежды, обуви). 11% респондентов контролируют лишь особо крупные покупки — вроде бытовой техники, отпусков и т.п. ”. («Ньюсуик-Польша», 8 ноября)
- “Лишь 61% поляков боится обеднения — это самый низкий показатель в Европе (...) По данным «Евробарометра», каждый пятый поляк уверен, что за последний год уровень его жизни улучшился. Сравнимый уровень оптимизма наблюдается лишь у 10% жителей ЕС, а в таких богатых странах, как Франция или Германия, оптимистов еще меньше (...) Всего 12% поляков опасаются, что кризис негативно повлияет на их жизнь. Во всем Евросоюзе такого рода опасения высказывает каждый пятый житель”. («Дзенник — Газета правна», 30 ноября)
- Согласно опросу «Общественный диагноз-2009», “28% поляков утверждают, что им не хватает на текущие расходы, в то время как 16 лет назад такие проблемы испытывали три четверти общества”. («Дзенник — Газета правна», 8 окт.)
- “По данным Главного статистического управления (ГСУ), в 320 поветах средний заработок ниже, чем в среднем по стране. В 2008 г. меньше всего платили в Бжезинском повате: средняя начисленная зарплата составляла 1992 злотых, т.е. на руки люди получали в среднем около 1440 злотых. Больше всего зарабатывали на предприятиях Люблинского повата — 5432,4 злотых, т.е. около 3800 злотых на руки. Столь высокий заработок обусловлен тем, что в Люблине находится штаб-квартира Горно-металлургического медного концерна (KGHM) (...) Столица, несмотря на свой статус центра финансов и услуг, заняла лишь третье место”. («Жечпосполита», 24-25 окт.)
- Януш Чапинский, профессор Варшавского университета: “Уже много лет норма отдачи образования в Польше значительно выше, чем в странах того же уровня развития. Норма отдачи для получения степени бакалавра составляет сейчас 19% прибавки. Диплом магистра в три раза более окупаем (57%), а кандидатская степень увеличивает норму отдачи по сравнению с магистерской еще на 19% (...) Выгоднее всего изучать медицину, а наименее выгодно — сельскохозяйственные науки. Поэтому утверждение, что в Польше нужно учиться — отнюдь не миф”. («Политика», 17 окт.)
- Клаус Бахман, профессор Вроцлавского университета: “В провинции появилась целая масса слабых частных вузов, продающих дипломы (...) Профессора делают вид, что проводят исследования, студенты делают вид, что эти исследования читают (и относятся к ним серьезно), а потом профессора ставят им за это хорошие оценки (...) Министр высшего образования радуется, что доля студентов неуклонно растет (...) Не вмешиваясь в автономию вузов, не удастся провести реформы. Автономия, которая в ПНР защищала вузы от политического вмешательства, сегодня защищает от реформ (...) Частные и государственные вузы перед лицом демографического спада занижают критерии отбора, чтобы финансировать имеющиеся штатные места”. («Газета wyborcza», 20 окт.)
- Наталья Мазур, Михал Копинский, Мартин Концкий, Эва Микулец, Иоанна Лесневская, Александра Пишибыльская: “Академия социальной коммуникации предлагает получить диплом магистра за четыре семестра. На пять меньше, чем полагается по закону. Ее осаждают кандидаты, ею интересуются ученые. Звезда шоу-бизнеса может стать лицом вуза, а СМИ охотно разрекламируют его за хорошее вознаграждение. Этот вуз не существует. Даже на бумаге (...) Академию социальной коммуникации создали наши журналисты (...) Мы основали академию, которая не имеет права существовать, так как незаконно присваивает степень магистра после всего двух лет обучения. С нами связалась тысяча желающих, половина хотела у нас учиться, многие уже требовали номер счета. Более пяти тысяч человек со всего мира зашло на сайт этого фиктивного вуза. Наши студенты не стремились к знаниям. Им нужна была бумажка”. («Газета wyborcza», 23 окт.)
- “В сентябре инфляция составила 3,4%. (...) Продукты питания подорожали на 0,3% (...) Топливо было дешевле на 1,3%”. («Дзенник — Газета правна», 15 окт.)
- “Польша — четвертая в списке самых дешевых стран ЕС (...) В Польше средний уровень цен соответствовал в среднем 69% средней по ЕС (ЕС-27). В самой дешевой, Болгарии, этот показатель составил 51%”. («Жечпосполита», 3 ноября)

- Вот уже несколько лет растет число иностранцев, заинтересованных работой в Польше. Граждане некоторых государств из-за нашей восточной границы должны получить для этого разрешение воеводы. (...) В 2007 г. их было 12,1 тыс., в 2008 г. — 18 тыс., а в первом полугодии 2009 г. — 14,5 тысяч. С 1 февраля 2008 г. граждане Украины, России и Белоруссии могут работать без разрешения, но не дольше 6 месяцев. Работодатели обязаны лишь зарегистрировать (бесплатно) заявление о намерении принять на работу иностранца. Во второй половине 2007 г. польские предприятия регистрировали 23 тыс. таких заявлений, в 2008 г. — 156 тыс., а в первой половине 2009 г. — 124 тысячи. Граждан бывшего СССР можно трудоустроить без разрешения, если они получили в польском консульстве карту поляка и визу. («Дзенник — Газета правна», 15 окт.)
- “По оценке министерства труда, каждый четвертый из более чем 1,71 млн. зарегистрированных безработных не ищет работу, а регистрируется ради бесплатного медицинского обслуживания. В сентябре в центрах занятости зарегистрировались почти 299 тыс. новых безработных. Большинство — уже не в первый раз. По данным ГСУ, безработица за месяц выросла незначительно — на 0,1%, до уровня 10,9% (...) Воспользовавшись методом изучения экономической активности населения (ИЭАН), аналогичным тем, что используются в других европейских странах, можно рассчитать, что реальная безработица в Польше составляет 8% при средней по ЕС 9,1% — т.е. у нас она немного ниже средней”. («Жечпосполита», 24-25 окт.)
- “В мае работники Щецинской и Гдыньской судовой верфи были уволены. Предприятия закрылись, но внутри остались сотни кошек — без еды, без присмотра. Скоро там выключат даже отопление (...) Кошки, отчаявшись, решили искать еду и немного тепла в городе. Кроме голода и холода кошек мучают болезни. На территорию Щецинской судовой верфи проникают лисы и куницы. Они охотятся на маленьких котят, а кошки бросаются защищать свое потомство, поэтому многие из них изранены. В Гдыне состояние кошек ужасающе. Многие из них болеют (...) Многие ослаблены или искалечены. Они выклянчивают еду. Без нашей помощи они погибнут. В Щецине уже появилась гражданская инициатива, объединившая людей, которые хотят помочь этим животным. В Гдыне к брошенным на произвол судьбы кошкам приходят только немногочисленные кормильцы, неспособные прокормить всех нуждающихся в этом животных. Лишь недавно там начались такие же акции, как ранее в Щецине”. (Анна Зелинская, «Кот. Фелинологический ежемесячный журнал», ноябрь)
- “С января по июнь этого года хозяйственную деятельность начали 250 тыс. человек. Центры занятости, где можно получить дотацию на собственное предприятие, осаждены желающими (...) В первом полугодии прибавилась 121 тыс. человек, которых ГСУ определяет как работодателей и индивидуальных предпринимателей. Именно благодаря им уровень безработицы не вырос — а ведь за это время было ликвидировано 250 тыс. штатных мест (...) Предприятий становится всё больше. По данным Управления социального страхования, в декабре 2006 г. в Польше было 1,05 млн. предпринимателей, а в августе 2009 г. — уже 2,25 миллиона”. («Дзенник — Газета правна», 3 ноября)
- “Польша всё лучше справляется с использованием европейских денег (...) К концу третьего квартала мы потратили более 8 млрд. злотых из выделенных нам на 2007-2013 гг. европейских средств. Вместе с приложенными счетами-фактурами, которые в ближайшее время должны быть высланы в Брюссель, эта сумма вырастет почти до 14 млрд. злотых. Это 80% годового плана, предусматривающего использование почти 17 миллиардов. До конца этого года общий объем инвестиций, использующих европейские дотации, может превысить 100 млрд. злотых”. («Дзенник — Газета правна», 14 окт.)
- “До вступления в ЕС, в 2003 г., объем помощи сельскому хозяйству составлял 1,8 млрд. злотых (...) В 2007 г. деревня получила 47,5 млрд. злотых (...) В 2008 г. общая сумма выросла до 57,1 млрд., а в 2009 г. она будет еще больше. Почти половину (46%) государственной помощи министр финансов должен направлять в деревню (в Швеции — 12%, в Дании — 10%, в Германии — 20%) (...) В среднем доходы польских крестьян на 67% состоят из субсидий (...) Больше всего (422,6 тыс.) крестьян возделывают участки площадью 1-2 га. Хозяйств площадью более 100 га всего 0,5% (...) Товары на рынок поставляют лишь 750 тыс. хозяйств, производящих 90% продуктов питания. Целых 88% средств, направляемых в деревню, приходится на самые маленькие хозяйства в качестве социальной помощи (...) За пять лет нашего членства в ЕС экспорт сельхозпродуктов увеличился с 4 до 11,3 млрд. евро. Постоянный профицит во внешней торговле продуктами питания составляет около 1,5 млрд. евро (...) Экспортным успехам мы обязаны не 1,8 млн. крестьянских хозяйств, а пищевой и сельскохозяйственной промышленности (...) Сегодня ей грозит нехватка сырья, потому что крупных, специализированных товарных хозяйств слишком мало (...) Благодаря ЕС и деньгам налогоплательщиков жителям деревни живется всё лучше, но сельское хозяйство не развивается. (...) Большие средства, перетекающие в деревню, должны были сделать наше сельское хозяйство более конкурентоспособным. Наши политики выбрали себе другую цель: они предпочли предназначить их на преодоление деревенской нищеты”. (Иоанна Сольская, «Политика», 24 окт.)

- “Сжигание зерна может помочь энергетике. Вскоре на рынок производства электроэнергии может попасть 3-4 млн. тонн зерна (...) Обосновывая разрешение сжигать зерно, министерство экономики подчеркивает, что благодаря этому Польше будет легче достичь к 2020 г. 15 процентной доли энергии из возобновляемых источников (...) Когда зерно будет продаваться производителям электроэнергии на сжигание, цена одной тонны может вырасти до 300-350 зл., что обеспечит крестьянам окупаемость его производства”. (Иренеуш Хойнацкий, «Дзенник — Газета правна», 22 окт.)
- “По данным Государственной трудовой инспекции, за три квартала текущего года вдвое (до 63,9 тыс. человек) выросло число работников, не получивших вовремя зарплату. В конце сентября сумма задолженности превысила 100 млн. злотых (...) Такой рост объясняется плохой формой польских предприятий и отсутствием финансовых резервов, которые помогли бы пережить период кризиса”. («Жечпосполита», 10-11 окт.)
- “Впервые в Польше предприниматель был приговорен к полутора годам заключения за задолженность по зарплатам (...) Суд несколько раз обязывал его выплатить задолженность, но выносил условные приговоры (...) Предприниматель не выплатил зарплату полутора десяткам сотрудников — каждому от нескольких до нескольких десятков тысяч злотых. Наконец, в марте 2009 г. суд приговорил Ежи Г. к четырем месяцам лишения свободы за злостное уклонение от уплаты задолженности одному из сотрудников. Приговор вступил в силу (...) Кроме того, ввиду рецидива вступили в силу и предыдущие приговоры”. («Жечпосполита», 22 окт.)
- “Согласно исследованиям консалтинговой фирмы «Euler Hermes», польские работники повсеместно обманывают своих работодателей. Они выносят ценные данные о клиентах, продают информацию об условиях тендеров или крадут оборудование. С начала кризиса число такого рода случаев резко выросло. В настоящий момент на это жалуются уже 92% предприятий, а более четверти понесли из-за этого ущерб на сумму более 100 тыс. злотых каждое. Еще год назад проблемы с нечестными сотрудниками испытывала половина польских предприятий, сейчас — 9 из 10. Наиболее распространено воровство, которое в прошлом году затронуло 45% фирм, однако не менее часто случается и обман, а целых 5% сотрудников продают секреты фирмы”. (Клара Клиндер, Сильвия Чубковская, «Дзенник — Газета правна», 2 ноября)
- “В ЕС нет другой такой страны, в которой бы в таком масштабе и столь же безнаказанно обворовывали государственную железнодорожную инфраструктуру. Для организованных преступных группировок, да и для мелких воришек, она представляет ценность лишь в качестве металлолома (...) Расхищение и разорение железнодорожных линий — а их в нашей стране около 19 тыс. км, из них 70% электрифицированы, — считается сегодня в ЕС постыдной специальностью поляков (...) В 2000 г. было совершено 16,1 тыс. подобных преступлений, в 2003 г. — 22,4 тыс., в 2004 г. — более 24 тыс. (из них раскрыто лишь 15%) (...) Случается, что преступники с помощью тракторов срывают целые километры тяговой сети, валят столбы. В 2000 г. было зафиксировано 5,4 тыс. таких преступлений, а в 2004 г. — 7,7 тыс. (поймать удалось более 5% преступников)”. (Ян Дзядуль, «Политика», 24 окт.)
- “3 тыс. и 3,5 тыс. евро компенсации присудил Суд по правам человека двоим полякам, которые пожаловались на тесноту камер. (...) В настоящий момент в Страсбурге находится 150 исков против Польши о нарушении ст.3 Европейской конвенции по правам человека в связи с перенаселенностью тюрем и отсутствием соответствующих условий”. («Жечпосполита», 23 окт.)
- “Согласно опросу ЦИОМа, начиная с 2007 г. наши взгляды сместились вправо (...) Опрошенные хотят ужесточения борьбы с преступностью (рост на 13%) даже ценой ограничения прав граждан, чаще требуют люстрации общественных деятелей и более строго относятся к абортам (...) По-прежнему 44% респондентов высказываются за углубление интеграции с ЕС (29% выступают против)”. («Газета wyborcza», 15 окт.)
- “6 октября на торжественном заседании Европейского суда справедливости в Люксембурге принял присягу новый судья проф. Марек Сафьян, бывший председатель Конституционного суда и преподаватель Европейского университета во Флоренции, а также профессор Варшавского университета”. («Пшеглэнд», 18 окт.)
- Проф. Антоний З. Каминский, завкафедрой международной безопасности и стратегических исследований в Институте политических исследований ПАН: “Состояние системы государственного управления плачевно. После выборов партии берут под контроль правительственные ведомства и заполняют их своими людьми, которые приводят туда своих, как правило, некомпетентных ставленников. Международные оценки состояния администрации в Польше резко негативны. Один из иностранных авторов такого рода анализа пришел к выводу, что чем выше в Польше уровень административной иерархии, тем ниже уровень компетентности. Это неизбежно, если повышение по службе происходит не благодаря собственному труду, а благодаря чьему-то покровительству. Система патрон-клиент пронизывает всю центральную административную систему”. («Тыгодник повсехный», 18 окт.)

- “Всё чаще правовые акты, регулирующие деятельность профсоюзов, используются для борьбы с ними. На многих предприятиях появляются новые профсоюзы, члены которых связаны с руководством фирмы. Это касается почти всех отраслей (...) Такого рода новые профсоюзы называются «жёлтыми» (...) Если на предприятии создается профсоюз, с ним нужно согласовывать множество вопросов. Если профсоюзов много, то для того, чтобы их мнение к чему-то обязывало руководство, они должны действовать сообща. «Желтый» профсоюз нужен для того, чтобы сделать такое единодушие невозможным. Если согласия нет — все решения принимает руководство предприятия (...) Для создания профсоюза достаточно десяти работников — можно с легкостью найти людей, приближенных к властям”. («Жечпосполита», 29 окт.)
- “На поставленный в рамках «Общественного диагноза-2009» вопрос, можно ли доверять другим людям, 75% поляков отвечают, что осторожность никогда не помешает. Опрошенные признаются также, что общее благо их не интересует. «Мы не в состоянии заботиться ни о чем, кроме нашей семьи», — говорит автор опроса проф. Януш Чапинский (...) Лишь каждый десятый поляк уверен, что люди стараются помогать другим. В благотворительных организациях работают всего 13% из нас, и лишь 15% за последние два года принимали участие в какой-либо акции помощи другим людям”. («Дзенник — Газета правна», 21 окт.)
- “Долговая петля затягивается. ГСУ сообщило, что, по подсчетам министерства финансов, дефицит сектора государственных финансов увеличится в 2009 г. до 6,3% ВВП. Это означает резкий рост по сравнению с уровнем 3,6% ВВП, зафиксированным в 2008 году (...) Если выразить государственный долг в процентах ВВП, то окажется, что в прошлом году он составил 47,2%, а в 2009 г. должен составить 51,2% ВВП. Тем самым он перевалит через первый порог безопасности — 50% ВВП. Резкий рост задолженности должен усугубиться в 2010 году. По мнению правительства, государственный долг достигнет второго порога и составит 54,7-54,8% ВВП (...) Специалисты Польского национального банка (ПНБ) считают, что в 2010 г. даст трещину второй порог безопасности (55% ВВП), а в 2011 м — третий (60% ВВП). Если это случится, нас ожидают проблемы”. («Газета wyborcza», 23 окт.)
- Роберт Сошинский, директор Предприятия по эксплуатации нефтепроводов (PERN): “Если бы российская нефть перестала поступать в Польшу, мы могли бы получать сырье через порт в Гданьске. Поэтому нашей целью должно быть расширение нефтепорта и поморского газопровода. Благодаря этой инфраструктуре мы получим нефть и различное топливо в объеме достаточном, чтобы пережить возможный кризис”. («Дзенник — Газета правна», 29 окт.)
- “В пятницу Польская нефтегазовая компания (ПНГК) объявила, что согласовала с «Газпромом» новые условия сотрудничества. Польская фирма продлит контракт с российским концерном на 15 лет — до 2037 г., а кроме того с будущего года увеличит импорт газа из России с 7,5 до 10,3 млрд. кубометров (на 40% больше, чем планировалось до сих пор). Помимо этого «Газпром» требовал, чтобы «ЕвроПолГаз» вообще не получал прибыли от транзита газа. По данным «Коммерсанта», «Газпром» пошел на уступки, «соглашаясь на прибыль “ЕвроПолГаза” в размере 2-3 млн. долларов в год». В настоящий момент за транспортировку 1000 кубометров газа на расстояние 100 км «ЕвроПолГаз» взимает 2,05 доллара. Новая ставка составит 1,5-2 доллара”. («Газета wyborcza», 3 ноября, «Жечпосполита», 4 ноября)
- “Россия не хочет согласиться на досрочное погашение кредита, который «ЕвроПолГаз» (компания, управляющая Ямальским газопроводом) взял в «Газпромбанке» на строительство этой магистрали (...) Кредит используется как рычаг давления на польскую сторону. Его досрочное погашение лишило бы Москву такой возможности (...) Если бы «ЕвроПолГаз» не смог вернуть кредит (он взял более 1 млрд. долларов), «Газпром» мог бы взять под контроль польскую инфраструктуру Ямальского газопровода за долги”. («Дзенник — Газета правна», 30 окт. — 1 ноября)
- “Польше требуется около 15 млрд. кубометров газа в год, из которых треть покрывается за счет польской газодобычи. Подписание контракта на 28 лет означает, что покупка дорогого газа в Катаре экономически необоснованна. А это перечеркивает единственный диверсификационный газовый проект, осуществляемый в настоящий момент польским правительством”. (Януш Мельник, «Польска», 29 окт.)
- Вальдемар Павляк, вице-премьер и министр экономики: “В Польше зависимость от иностранных поставок сырья наименьшая, так как они превышают собственную добычу всего на 18%. Во всех других странах-членах ЕС эта цифра составляет в среднем 50%. В польской энергосистеме газ составляет около 12%, из которых треть мы добываем сами. Так что Польша — наиболее безопасная в энергетическом плане страна Евросоюза”. («Дзенник — Газета правна», 5 ноября)
- “Россия поставляет Польше 100% импортируемого и половину используемого газа, а также 95% используемой нефти. Это значительно больше, чем в странах Западной Европы. Энергозависимость Польши от России —

следствие экономических связей, налаженных в рамках Совета экономической взаимопомощи (1949-1991)”. (Павел Божик, «Пшеглэнд», 11 ноября)

- “ЕС и Украина пришли к выводу, что нет смысла модернизировать газопроводы, по которым Польша импортирует более 25% необходимого ей газа. Через 10 лет поставки газа с Востока будут идти в обход Польши (...) По мнению экспертов, это представляет угрозу для одного из самых важных для нас направлений поставок сырья. Ежегодно мы транспортируем через Украину 4 млрд. кубометров газа (...) Украинцы, планируя ремонт сети, не приняли во внимание важный для Польши газопровод”. («Дзенник — Газета правна», 27 окт.)
- “По первой нитке «Северного потока» потечет газ с сибирского месторождения «Южнорусское» (...) По второй нитке должен был транспортироваться газ с месторождения Штокмана в Арктике, но решение о его эксплуатации откладывается (...) Чтобы наполнить «Северный поток», «Газпром» может уменьшить транзит через Польшу и Украину — об этом предупреждал Збигнев Бжезинский”. (Анджей Кублик, «Газета wyborcza», 6 ноября)
- Александр Гудзоватый, директор «Бартимпекса», акционер «ЕвроПолГаза»: “Газовая петля на шее Польши затягивается. Россия уже пользуется этим фактом и применяет политический и экономический диктат (...) Строя Ямальский газопровод и учреждая «ЕвроПолГаз», мы говорили друг другу, что создаем партнерское предприятие. Оказалось, что этого лозунга хватило на десять лет. (...) Еще немного, и будет предпринята попытка купить на бирже ПНГК — ведь акции сотрудников уже скупают”. («Жечпосполита», 6 ноября)
- “Польша готовит соединительную трубу для подключения к чешским газопроводам, по которым в будущем может потечь газ из Северного газопровода (...) Благодаря этой трубе, подсоединенной в районе Тешина, можно будет импортировать в Польшу 0,5 млрд. кубометров газа, а после модернизации — 2-3 млрд. кубометров в год. (...) Газ потечет в Польшу по чешским трубам в начале 2011 года». («Газета wyborcza», 27 окт.)
- Петр Возняк, бывший министр экономики: “Россия не только не выполнит предыдущий международный договор с Польшей и не построит вторую линию Ямальского газопровода — она намерена закрыть транзит даже по первой (...) Россия затянула газовую петлю на шее Польши. Каждая попытка подключения к газовой сети в северо-восточной Германии приведет к подключению к российскому газу, который скоро потечет через Балтику по «Северному потоку». Вдоль польской границы, от Балтийского моря до самой Чехии, Россия строит газопровод «Опал», по которому, согласно договоренностям, в течение 25 лет можно будет транспортировать исключительно российский газ”. («Польска», 7-8 ноября)
- Януш Штейнхофф, бывший вице-премьер (в правительстве Ежи Бузека): “Нужно понимать, что все происходящее между «Газпромом» и ПНГК не имеет ничего общего с рыночными принципами”. («Польска», 30 окт.)
- “После прокладки газопровода на севере, по дну Балтийского моря, и на юге, по дну Черного моря (который тоже должен огибать все страны бывшего соцлагеря, кроме Болгарии), Россия сможет шантажировать страны Восточной Европы отключением газа, не опасаясь перебоев в поставках в страны Западной Европы и ухудшения отношений с ними. Однако тревога, которую быют на Востоке, почти не слышна на Западе, где Россия ведет эффективную политику по принципу «разделяй и властвуй»”. («Впрост», 25 окт.)
- Збигнев Бжезинский, бывший советник по национальной безопасности президента США Джимми Картера: “Энергетический шантаж — это не военное нападение, ведущее к человеческим жертвам. Тем не менее это очень серьезная форма давления. (...) Если мы столько лет не предпринимали конкретных превентивных мер, то как можно требовать гарантий, что в случае чего могущественные друзья придут нам на помощь?” («Жечпосполита», 31 окт. — 1 ноября)
- “По учетным спискам вооруженных сил Республики Польша, на 30 сентября в них состояло 95 360 человек, из них 139 — генералы; 22 670 — офицеры; 41 850 — сержантский состав; 22 200 — рядовые (профессионалы и сверхсрочники)”. («Жечпосполита», 4 ноября)
- “Федерация катынских семей объединяет несколько десятков обществ в стране и за границей. К ним принадлежат близкие польских офицеров, полицейских и штатских, убитых НКВД в 1940 году. Их цель — сохранить память о жертвах преступления. Благодаря их деятельности появились польские военные кладбища в местах казни в Катыни, Харькове и Медном”. («Жечпосполита», 23 окт.)
- “Мы забыли, что во время войны 1920 г. в руки Красной Армии попало несколько десятков тысяч солдат Войска польского (...) Польша захватила значительно больше пленных — около 85 тысяч, не считая тех, кто

перешел на нашу сторону, в то время как большевики захватили не более тридцати с лишним тысяч. Эту разницу объясняет проф. Збигнев Карпус, который много лет изучает судьбы пленных войны 1920 г. (...) Большевики во многих случаях (...) убивали пленных на месте (...) Это были массовые убийства (...) Описания напоминают действия большевиков на фронтах гражданской войны (...) Польские части, отбивая в августе-сентябре 1920 г. территории, занятые ранее большевиками, почти везде находили массовые могилы (...) Число польских солдат, схваченных и убитых в такой резне, может достигать 20 тыс. (...) Единственной параллелью смерти красноармейцев в польских лагерях для военнопленных в 1920 г. может быть судьба польских солдат, которые попали в руки большевиков”. (Петр Зыхович, «Жечпосполита», 24-25 окт.)

• “«Я убеждён, что память о национальных трагедиях так же священна, как память о победах, — сказал вчера в своем неожиданном выступлении по случаю Дня памяти жертв политических репрессий президент России Дмитрий Медведев. — Никакое развитие страны, никакие ее успехи, амбиции не могут достигаться ценой человеческого горя и потерь. Ничто не может ставиться выше ценности человеческой жизни. И репрессиям нет оправдания» (...) С такой силой о преступлениях сталинского режима против собственного народа не говорил еще ни один российский лидер”. (Мартин Войцеховский, «Газета wyborcza», 31 окт.)

• “Президент Польши Лех Качинский (...) отметил высокими польскими наградами министров авторитарного правительства Азербайджана (...) Министр внутренних дел Рамиль Усубов и министр национальной безопасности Эльдар Махмудов получили командорские кресты ордена Возрождения Польши. Министр иностранных дел Эльмар Мамедъяров получил большой крест ордена Возрождения Польши (...) Иса Габмар, лидер старейшей оппозиционной партии, прокомментировал это так: (...) «Польша наградила авторитарный режим (...) Для азербайджанского общества это плохой знак (...) После фальсифицированных президентских выборов (...) демонстрации против фальсификаций были кроваво подавлены (...) Сотни человек попали в тюрьмы (...) Усубов уже тогда стоял во главе азербайджанского МВД (...) Мамедъяров за антидемократические действия был осужден Советом Европы и внесен в черный список «Международной Амнистии»”. («Газета wyborcza», 6 ноября)

• “Председатель «Бартимпекса» Александр Гудзоватый стал в этом году лауреатом премии «Лиги против диффамации», известной еврейской организации из США, борющейся с антисемитизмом. Он был награжден за «выдающийся вклад в дело популяризации терпимости и взаимоуважения». В 2008 г. Гудзоватый финансировал сооружение памятника Терпимости в Иерусалиме”. («Жечпосполита», 30 окт.)

• “На бывшем ченстоховском Умшлагплаце открыт памятник 40 тысячам евреев из Ченстоховы и окрестностей, депортированных в концлагерь в Трешлине. Автор памятника — (...) родившийся в Ченстохове израильский скульптор Самуэль Вилленберг [бывший узник Трешлины]”. («Дзенник — Газета правна», 20 окт.)

• “В Польше много говорят об антисемитах. И правильно. Но никто не говорит об анти-антисемитах, как их назвал проф. Иренеуш Кшеминский. В Польше есть масса людей, стремящихся возродить память о евреях. Их не останавливают неудачи, сопротивление местных жителей, неприятности, с которыми они сталкиваются, — говорит Марта Бялек из Общества творческих инициатив. — Особенно близки мне те проекты, которые начинались скромно, но в конечном итоге объединили депутатов, родителей школьников, священников в усилиях по восстановлению этой трудной памяти”. (Агнешка Ковальская, «Газета wyborcza», 23 окт.)

• «Национально-радикальный лагерь» из Бжега объявлен опольским судом вне закона, так как идеология объединения пропагандирует расовую ненависть. («Газета wyborcza», 13 окт.)

• “В рейтинге свободы СМИ организации «Репортеры без границ» Польша поднялась с 47-го места на 37-е, опередив, в частности, Францию и Италию”. («Жечпосполита», 22 окт.)

• “По данным министерства юстиции, в Польше ежегодно устанавливается более 12 тыс. подслушивающих устройств. Из года в год это число растет. Больше всего заявлений об установке жучков подают полиция и Агентство внутренней безопасности”. («Дзенник — Газета правна», 19 окт.)

• В списке польских спецслужб насчитывается уже двенадцать учреждений, наделенных особыми полномочиями: Бюро охраны правительства (БОП), Агентство внутренней безопасности (АВБ), Агентство разведки (АР), Служба военной контрразведки (СВК), Центральное антикоррупционное бюро (ЦАБ), полиция, военная жандармерия, налоговая разведка, пограничная охрана, таможенная и тюремная службы”. («Политика», 24 окт.)

• “«Мы научимся жить с жучками», — (...) вице-премьер Вальдемар Павляк знает, о чем говорит: все-таки он дважды был премьер-министром (...) Польша (...) заражена вирусом родом из ПНР. Ничего удивительного, что

через 20 лет после обретения независимости ей всё еще ближе белорусские, чем британские стандарты”. (Дариуш Яворский, «Тыгодник повшехный», 25 окт.)

- “В случае применения подслушивающего устройства человек, чьи разговоры прослушиваются, должен быть информирован об этом не позднее официального закрытия следствия. Он имеет право выяснить, было ли прослушивание обоснованным и законным. Людей, прослушиваемых во внепроцессуальном порядке, информировать об этом не обязательно. Право осуществлять оперативный контроль есть у многих служб (...) Постановление о проведении такого контроля принимает суд (...) Соответствующие предписания ограничивают его допустимую продолжительность. Однако он носит негласный характер, т.е. по окончании следствия прослушиваемые лица о нем не информируются. Если нет оснований для возбуждения уголовного дела, собранные материалы должны быть уничтожены. Такая правовая ситуация недопустима, считает уполномоченный по правам человека. Должна быть хоть малейшая возможность проверить, была ли установка подслушки обоснована и соответствовала ли она закону”. («Жечпосполита», 2 ноября)
- “Министр юстиции не будет генеральным прокурором. Сейм отклонил президентское вето на закон, разделяющий эти две функции. Весной будущего года президент должен назначить нового генерального прокурора, одного из двух кандидатов Национального судебного совета (генеральным прокурором может быть прокурор или судья с 10-летним стажем)”. («Тыгодник повшехный», 18 окт.)
- “Согласно опросу ЦИМО, 61% поляков отрицательно оценивает действия президента Леха Качинского. Удовлетворение работой президента выражает каждый четвертый опрошенный. 47% респондентов считают, что Дональд Туск хорошо справляется со своими обязанностями, а 45% придерживаются противоположного мнения”. («Впрост», 25 окт.)
- В президентском рейтинге института «Номо Номини» лидирует Дональд Туск (38,7%). Следующие места занимают Лех Качинский (20,1%) и Влодзимеж Цимошевич (6,1%). («Дзенник — Газета правна», 4 ноября)
- “Согласно опросу ЦИОМа, после двух лет работы правительства Дональда Туска его поддерживают 38% поляков. 25% недовольны его действиями”.
- Премьер-министр Дональд Туск: “Сегодня у нас с одной стороны правительство, а с другой — президент, который возглавляет оппозицию и блокирует действия правительства, а также институты, находящиеся под контролем оппозиционной партии. Мне не нравится образ Польши, разделенной на два враждующих лагеря. Мы должны это изменить”. («Газета wyborcza», 17-18 окт.)
- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, «Гражданскую платформу» (ГП) поддерживают 45% поляков, «Право и справедливость» (ПиС) — 28%, Союз демократических левых сил (СДЛС) — 11%, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Газета wyborcza», 12 ноября)
- Проф. Иренеуш Кшеминский: “Политическая дискуссия в Польше подчинена войне двух лагерей с очень идеологизированным мировоззрением (...) В политических спорах должны использоваться доводы и аргументы, чтобы решения опирались на как можно более рациональные основания. Вместо этого наша политика представляет собой схватку враждебных убеждений, единственно верных концепций (...) Это смертельная борьба, задача которой — собрать наибольшее количество избирателей у избирательных урн (...) В польской политике нет места ценностям, ее цель — полная дискредитация противника (...) Прийти к власти путем такой словесной баталии, заключающейся в унижении противника, — вот истинный смысл, перед которым все остальное второстепенно”. («Впрост», 8 ноября)
- Проф. Павел Спек: “Если свести всю публичную действительность к политической игре, почти все государственные институты (...) превращаются в добычу и заложников партийных выборов (...) Партийный конфликт (...) часто ставится выше государственных интересов (...). Важны «наши» и важны правила игры, юридические решения, продвигающие людей правящей элиты (...) Однако мы знаем, что во многих местах в польской политике появилось нечто новое. Президенты городов и бургомистры бывают настоящими политическими лидерами и хорошими хозяевами (Гдыня, Гданьск, Вроцлав, Катовице), и, что еще интереснее, они нередко достаточно независимы от партийных кругов. То же самое случается на уровне гмин (...) Тем более беспокоит, почему (...) так слаб Сейм, почему во главе партий встают амбициозные, сварливые, мелочные и недалекие люди (...) Обе группировки (ГП и ПиС) чуть ли не дрессируют своих членов, обучая их взаимной ненависти, борьбе, как будто бы их разделяли не идеи и партбилеты, а происхождение от разных человекоподобных существ (...) Игра ведется (...) за карьеру, за министерские кресла”. («Тыгодник повшехный», 25 окт.)

- “Согласно опросу ЦИОМа, депутатов оценивают положительно 24% поляков. Противоположного мнения придерживаются 66%”. («Дзенник — Газета правна», 12 окт.)
- “Согласно опросу ЦИОМа, лишь для половины поляков важно жить в демократическом обществе. В этом смысле мы значительно отстаем от других стран Запада, а также от Турции, Израиля, ЮАР (...) Уже не первый год лишь 25% общества считают демократию лучшим общественным устройством (...) Многие считают ее лазейкой для анархии”. («Газета wyborcza», 19 окт.)
- “Сегодня в силу вступает измененная конституция (...) В мае парламент внес в нее поправки. В основной закон он ввел запись, согласно которой депутатом Сейма или Сената не может стать лицо, приговоренное правомочным приговором к лишению свободы за умышленное преступление, преследуемое с участием государственного обвинителя (...) Теперь депутатов ожидает изменение избирательного закона, чтобы он не только не допускал таких лиц к участию в выборах, но и давал возможность лишить мандата уже после выборов — в случае вынесения приговора”. («Жечпосполита», 21 окт.)
- “Во время заседания следственной комиссии Сейма в Колонный зал влетел крапивник. Через полчаса комиссия объявила перерыв, и птица упорхнула. Адам Вайрак: «Крапивники очень любят всякие дебри»”. («Газета wyborcza», 16 окт.)
- “В официальном коммюнике Варшавского городского совета, обращенном к жителям, администраторам домов и жилищных товариществ, говорится: «Дикие кошки — это не бездомные животные, поэтому их нельзя отлавливать и вывозить. Наоборот, там, где они водятся, следует обеспечивать им необходимые условия». Совет призывает к «заботе о диких кошках». (...) Депутаты (...) надеются, что этот призыв дойдет до сознания жителей и удержит противников кошек от подкладывания отравы и закрывания подвальных окошек”. (Каролина Ковальская, Паулина Закшевская, «Польска», 22 окт.)
- “Анджей Кузёмский живет в тридцатиметровой краковской квартире с пятьюдесятью ежами — ранеными, покусанными, изголодавшимися. Это единственная «скорая помощь» для ежей в Польше (...) Кузёмский спит по три-четыре часа в сутки, да и то с перерывами. Ежи ночью бодрствуют: в это время их нужно кормить, лечить, убирать за ними. Днем он ездит в ветеринарную клинику, дает консультации (мобильник звонит примерно раз в пятнадцать минут) и отвечает на письма со всей Польши, ищет дома для вылеченных животных, которые уже не могут жить на природе (...) Размах предприятия, однако, начинает превосходить возможности одного человека. (...) На корм нужно тратить до 70 злотых в день, плюс лекарства, плата за ветлечебницу, квартплата. Кузёмский продал или заложил в ломбарде уже почти всё, что мог, но и так тонет в долгах. (...) «Трудно выбросить из головы глаза дикого животного, которое смотрит на человека с доверием», — говорит Ежи Зембровский (...) Сначала удалось зарегистрировать реабилитационный центр для ежей, потом Польское общество защиты ежей «Наши ежи». В нем уже 39 членов, есть свой сайт (...) но главная его цель — создание реабилитационного центра с лечебницей, боксами, вольерами (...) Общество сосредоточилось на поиске спонсоров, которые помогли бы ему собрать собственный капитал. Тогда можно будет обратиться за европейскими дотациями на строительство центра. Никто не знает, сколько это продлится и что будет с ежиной «скорой помощью» Кузёмского до тех пор. Срок принудительного выселения истекает 31 октября”. (Иоанна Подгурская, «Политика», 31 окт.)
- “Иметь лично подстреленную Big Fire (Большую пятерку), т.е. слона, носорога, буйвола, льва и леопарда, считается в охотничьей среде вершиной карьеры. (...) Между Адамом Сморовинским (дилером «БМВ») и Генриком Стоклосою (агропромышленным предпринимателем) завязался, говорят, негласный поединок, кто первый добудет Большую пятерку (...) За отстрел буйвола нужно заплатить 6 тыс. долларов, за льва — 16 тысяч (...) За согласие на отстрел слона нужно заплатить 12 тыс. долларов (...) Очень подорожали носороги — сейчас они стоят от 40 до 60 тыс. долларов”. (Юлиуш Цвелюх, «Политика», 31 окт.)
- “Бюро охраны животных уведомило прокуратуру, что за последние три года в приюте для животных в Костежине умерщвлено, возможно, до 1,2 тыс. собак. В то же время гмины, заключившие договор с приютом, должны были потратить на содержание этих животных 800 тыс. злотых”. («Польска», 29 окт.)
- “На вопрос ЦИОМа: «Должен ли закон допускать безболезненное прерывание жизни неизлечимо больного пациента, если он и его семья об этом попросят?» — 61% опрошенных ответил «да», 31% — «нет», 8% затруднились с ответом”. («Жечпосполита», 21 окт.)
- “Мы вызываем маме скорую помощь. «Сколько ей лет»? — спрашивает диспетчер. — «Восемьдесят два». — «Так зачем ее забирать?» — слышим мы в ответ”. («Тыгодник повсехный», 15 ноября)

4: СЛАВНА ЛИ ПОЛЬША СВОИМИ ДИНАСТИЯМИ?

Есть в истории нашего народа события столь удивительные и неожиданные, что иногда им легче найти объяснение с помощью чего-то сверхъестественного или даже чуда, чем с помощью социологии, то есть «ученого разума». Почему, например, Юлиуш Кразевич, живя в Поморье, в той части Польши, которая после разделов отошла к Пруссии, уже вполне онемеченный, дома говоривший только по-немецки, прочитав в немецком научно-популярном журнале, что на территории Поморья популяция поляков уже вымирает, перешел в домашнем обиходе на польский язык и основал в 1862 г. первый на этих, находившихся «под Пруссией» землях польский крестьянский кружок?

Но история Виктора Кулерского (1865-1935) и его сына, Витольда Зигмунта (1911-1997), а также внука, тоже Виктора (1935 г.р.), связанных с Грудзёндзом, особенно интересна и достойна того, чтобы войти в анналы истории Польши, а возможно, даже и Европы. И хотя самый младший из них, Виктор, внук первого, искусствовед и учитель, известный деятель «Солидарности», замминистра народного образования (1989-1991), а ныне член редколлегии «Новой Польши», еще не до конца заполнил страницы своей жизни, но два других его предка: дед и отец — заслуживают того, чтобы извлечь их судьбы из национального беспамятства — и не только потому, что необходимо освежить наши исторические знания «ради ободрения», но и по нескольким причинам социологического порядка.

Их история в диахроническом формате (поддающемся сравнению во времени) склоняет нас к постановке принципиального вопроса: как это стало возможным, что первый из «династии» Кулерских, старший Виктор, безусловно подвергавшийся дискриминации со стороны оккупационных прусских властей (его несколько раз сажали в тюрьму, хотя и на короткий срок; против него было возбуждено 87 судебных процессов), смог развернуть в этой части оккупированной Польши невероятно плодотворную национальную деятельность, причем гораздо более широкую, чем в возрожденной Второй Речи Посполитой, особенно в период режима санации (после 1926 г.)? Кстати, нечто подобное происходило и с его сыном Витольдом Зигмунтом, вторым по хронологии членом «династии», общественным и политическим деятелем высокого уровня (как в Польше, так и в эмиграции).

Еще более любопытно, что это происходило на фоне всё более сужающихся возможностей для позитивной работы в три рассматриваемые здесь эпохи: прусской оккупации, Второй Речи Посполитой и ПНР; явление это подтверждают некоторые социологические исследования на местах. По мнению пожилых людей, в галицийской деревне, например, то есть на польских землях, вошедших в результате разделов в состав Австро-Венгрии, «при императоре» (как говорят тамешние старики) было больше свободы личности и организаций, а значит, и больше возможностей для общественной или политической деятельности, чем в межвоенный период при санации; а в ПНР, разумеется, еще меньше. В качестве косвенного аргумента приводилась численность сотрудников правоохранительных органов в гмине: в Австрии — один «жандарм», при санации — несколько, а во времена ПНР — зачастую полтора десятка. Изменит ли Третья Речь Посполитая эту тенденцию навсегда?

Во-вторых, как объяснить с социологической точки зрения впечатляющий размах общественной деятельности старейшины рода Кулерских, которую по праву можно сравнивать с деятельностью некоторых особенно выдающихся социалистов, приверженцев союзов и объединений (которых Маркс называл утопистами!), — хотя бы с деятельностью англичанина Роберта Оуэна (1771-1858), который к тому же действовал во внешних (государственных) условиях, значительно гораздо более благоприятных, чем первый Кулерский!

Виктор Кулерский начал с того, что основал в 1894 г. «Газету грудзёндскую», которая к 1914 г. имела 128 тысяч постоянных подписчиков (будучи владельцем и главным редактором «Газеты», он обращался к ним: «Дорогие братья») и стала, таким образом, крупнейшим для своего времени польским изданием в мире; газета распространялась по всей Германии и Польше (автор этой статьи встретился с любопытным случаем подписки на эту газету в межвоенный период — подписчиками оказались жители глухих деревень в Бескидах!). А в рейтинге немецких изданий в Германии это издание занимало третье место! Более того, на базе «Газеты грудзёндской» был создан опередивший эпоху концерн прессы, оснащенный современными печатными машинами, выпускавший газету в нескольких вариантах и несколько других периодических изданий. В этом концерне работало множество людей, включая репортеров и распространителей, так что с точки зрения маркетинга он в значительной мере опережал свою эпоху (действовали реклама, рассылочная продажа и т.п.). Кроме того, был введен 8-часовой (!) рабочий день, действовало и такое нововведение, как страхование постоянных читателей на случай трагической смерти члена семьи (до 1914 г. концерн Кулерского выплатил по этой статье 90 тыс. марок!). Концерн издавал и другую польскую периодику (например, «Сопотскую пляжную газету» для польских курортников в Сопоте) и оказывал поддержку разным польским изданиям, выступавшим против онемечивания, таким как «Газета олыштынская» или «Вярус». Более того, подписчикам газеты он

высылал в подарок польские календари (всего до 1914 г. было отправлено свыше 500 тыс. экз.), книги (более двух миллионов, в том числе 100 тыс. экз. «Истории польского народа»), а также репродукции картин по истории Польши (около 500 тыс. экз.). Следует также упомянуть о возникших по его инициативе или созданных им польских организациях, как, например, «Дом польский» в Сопоте, Общество народного просвещения (1893), гимнастическое общество «Сокол» и Ассоциация польских промышленников, главным образом в Грудзёндзе, а также несколько польских школ в Берлине.

Живительную силу всем этим начинаниям и акциям придавал открытый польский патриотизм, ибо Кулерский был толерантен (например, поддерживал кашубскую письменность!), а также смело содействовал защите и развитию польских крестьян. А началось все с отчисления Виктора из немецкой учительской семинарии за организацию празднества по случаю 200 летия победы Яна Собесского под Веной (1683). Любопытно, что позднее это не смогло защитить его от нападков со стороны эндеков (национал-демократов), а затем и от ожесточенных нападков при режиме санации, обвинившем его в пособничестве или поддержке некоторых немецких акций (как, скажем, прусский военный заем или указ от 5 ноября 1916 г., объявлявший автономию Царства Польского, оккупированного в то время немецкими войсками).

В 1903 и 1907 гг. он был депутатом немецкого парламента, а в 1912 г. основал «собственную» Польско-католическую народную партию, что могло вызвать конфликт с эндеками. В независимой Польше он вступил в крестьянскую партию Витоса «Пяст», где занимал довольно высокие посты: в 1928 и 1930 гг. по списку этой партии был избран в Сенат; уже будучи сенатором, в открытом письме потребовал после некоего странного высказывания Пилсудского подвергнуть его проверке на вменяемость! Это, безусловно, было свидетельством большой гражданской смелости, если учесть, что за гораздо более мягкую критику маршала авторы ее подвергались нападениям и даже бывали избиты, как правило, неизвестными лицами (хотя иногда они были в военной форме, как, например, в случае с редактором Цивинским в Вильно; он был избит, по всей вероятности, по приказу командующего округом ген. Демба-Бернацкого, который вскоре проявил себя не лучшим образом во время сентябрьской кампании 1939-го).

Особенно интересным событием с социологической точки зрения стал упомянутый в самом начале факт — возвращение онемеченных поляков к польскости. Случай Виктора-старшего здесь заслуживает особого внимания ввиду его обширной деятельности в общественной и национальной сфере. Его отец, директор школы в небольшом городке, воспитывал его в прусском духе; но при этом влияние матери, родом немки, было совершенно противоположным! Сам же Виктор, один из восьми детей в семье, после того как был отчислен из учительской семинарии, приобщался к польской литературе в польских усадьбах, где какое-то время служил домашним учителем. Так начинался его тернистый путь к польскости...

Его сын Витольд Зигмунт не испытывал сомнений относительно своей национальной принадлежности, хотя наверняка сознавал, что вкус польскости может не раз оказаться горьким. Взяв на себя издание «Газеты грудзёндской», он перенес ее в Познань, издавая под названием «Народная газета», ибо она была и продолжала оставаться самой народной; он связал себя с крестьянской партией Витоса. И с ним, как и с его отцом, тоже боролись эндеки, но больше всё же режим санации. После 1926 г. власти довольно часто конфисковывали его «Народную газету» — на протяжении одного года газета подвергалась конфискации чаще, чем ее предшественница «Газета грудзёндская» за всё время своего существования на польских землях, входивших в состав Пруссии! А суды, теперь уже польские, приговорили его суммарно к 20 годам заключения. Накануне войны вступил в силу приговор к четырем годам. Витольд Кулерский должен был явиться в тюрьму 1 сентября 1939 года. Но после сентябрьских событий вместо тюрьмы он оказался в эмиграции, где стал секретарем президиума Национального совета Речи Посполитой [заменившего в изгнании парламент], а затем — секретарем Миколайчика как министра и премьер-министра.

В 1946 г. он вернулся в Польшу, на деле доказав и свой патриотизм, и свое понимание значения позитивной работы во имя восстановления страны, разрушенной войной и оккупациями и теперь уже находившейся в границах между Одером и Бугом. Здесь он вступил в ряды оппозиции, возглавленной Миколайчиком, стал секретарем Главного совета Крестьянской партии.

После бегства Миколайчика из Польши (20 окт. 1947) Кулерский был арестован и после трех лет тяжелого следствия приговорен к 12 годам тюрьмы, что стало своеобразным отсроченным исполнением судебных приговоров межвоенного периода. После восьми лет тюрьмы он был освобожден, с подорванным здоровьем вернулся к родным, то есть, по его выражению, в «молчаливость частной жизни». Он хранил молчание до тех пор, пока его сын, второй Виктор из династии Кулерских, не нашел своего места в жизни, пойдя по стопам отца и деда под знаменем борьбы за независимость с логотипом «Солидарности». Последним выступлением Витольда Кулерского под этим знаменем был, как он сам вспоминал, региональный съезд «Солидарности»

Мазовии 6 января 1990 г., когда председателем регионального правления стал бывший сексот, которого избрали на место Збигнева Буяка, занимавшего этот пост на протяжении девяти лет.

Разве жизнь всех трех Кулерских не может служить окончательным подтверждением той парадоксальной истины, что, находясь под чужим господством, можно иногда развернуть гораздо более активную творческую деятельность национально-позитивного характера, чем при своей «родной» власти (или просто под ее вывеской), если, с одной стороны, обладаешь характером и воображением, а с другой — существует чуждая государственная власть, которая всё же соблюдает минимум правопорядка и прав человека, что составляет необходимое (хотя и недостаточное) условие развития каждого народа, пусть даже порабощенного, а особенно такого народа, как польский, имеющего столь переменчивую политическую судьбу? Nil desperandum — никогда не отчаиваться!